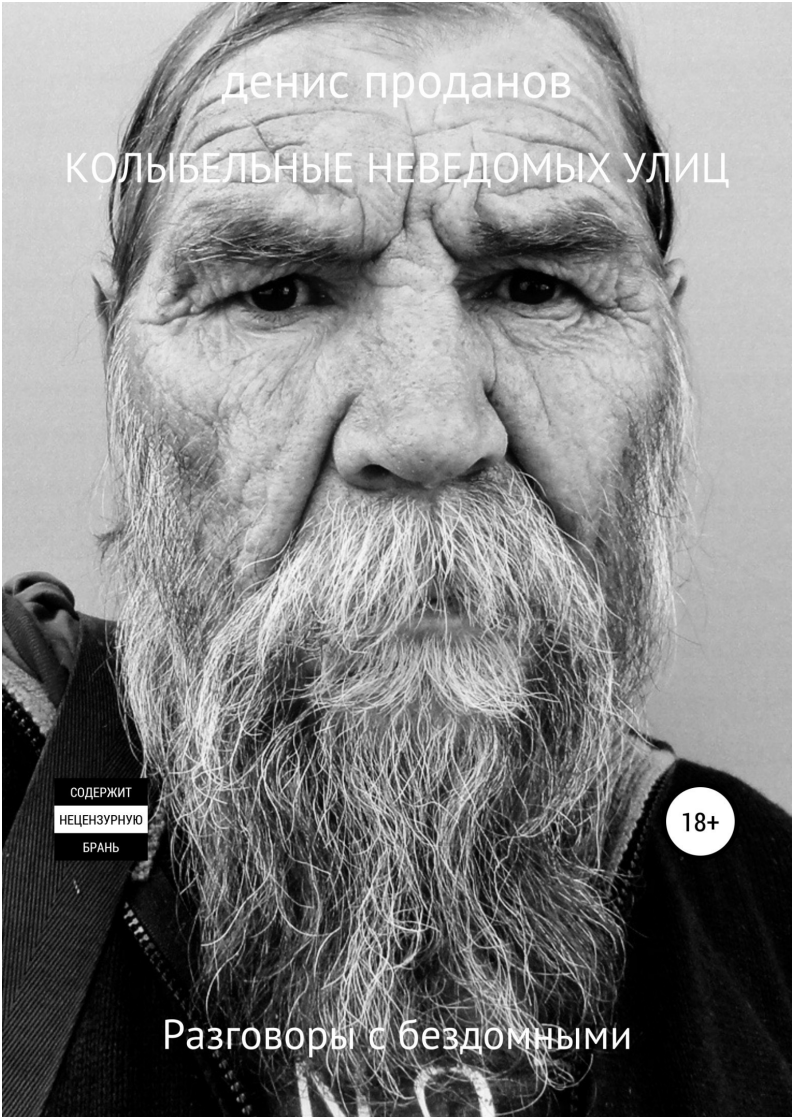
денис проданов
КОЛЫБЕЛЬНЫЕ НЕВЕДОМЫХ УЛИЦ
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
Разговоры с бездомными

Денис Станиславович Проданов

Колыбельные неведомых улиц. Разговоры с бездомными об их жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36325973
SelfPub; 2018

Аннотация

"Колыбельные неведомых улиц" – это исследование тёмной стороны бездомности в современной России. Большая часть книги состоит из историй людей, потерявших жильё и вынужденных жить на улице, в ночлежках, подъездах, заброшенных зданиях, рабочих домах и на вокзалах. Рассказы бездомных о своей жизни трогательны, печальны, смешны, а порой и трагичны. Они представляют собой критичный взгляд на российскую социальную политику, безжалостно выталкивающую миллионы людей на обочину жизни.

В оформлении обложки использована фотография Дениса Проданова "Сергей".

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Цитаты 6
Вступление 8
Лето 65
Володя 65
Конец ознакомительного фрагмента. 88
Комментарии

Благодарности

Отдельная благодарность Оливии Лассер и Андрею Серых за их поддержку в проекте.

Эта книга для Владимира,
Паши,
Миши,
Константина,
Юры,
Валерия,
Тамары,
Антона,
Сабира,
Марины,
Вячеслава,
Руслана,
Тани,
Жени,
Ивана,
Алёны,
Ромы,
Даны,
Ольги,
Тамары,
Анжелы,

Димы,
Светы,
Инны,
Евгении,
Гоши,
Чингиза,
Олега
и всех остальных, кто встретился мне на пути.

Цитаты

Мне говорят: ты держись пока. В общем-то, знаешь, я для себя вывод сделал, что мы нужны только самим себе, вот так. И за себя надо бороться, не будешь бороться – всё, люди пропадают.
Пожилой бездомный в Твери.

У нас почему-то думают, что люди взяли добровольно от всего отказались и пошли бездомничать, жить в коробках, на улице, пить синьку и так далее.
Евгений Косовских, врач из Челябинска.[1]

Ну если, извини, приезжает телевидение российское, дают, подложат тебе: вот тебе вопросы, вот тебе ответы… Серьёзно. Надо показать, что у нас всё хорошо.
Бездомный инвалид Юра из Москвы.

Мне неприятно от той пропаганды, которая транслируется с помощью современных юмористических телешоу. Бомжара – это смешно. А мне не смешно, мне противно смотреть. Из-за такой вот пропаганды и не хотят помогать бездомным. А это же такие люди, как мы с вами.
Создатель костромской „Ночлежки“ Александр Пушкарев.[2]

Милосердие – сердоболие, сочувствие, любовь на деле, готовность делать добро всякому; жалостливость, мягкосердость.
Из толкового словаря В. И. Даля.[3]

Нужно любить всякого человека и в грехе его, и в позоре его. Не нужно смешивать человека – этот образ Божий – со злом, которое в нем.
Святой Иоанн Кронштадтский.[4]

Кто такие бомжи? Люди, которых, по сути, нет. Как на них закрывали глаза в Советском Союзе, так и сейчас поступают.
Юрий Панасенко, психотерапевт, нарколог.[5]

Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.
Конституция РФ, Статья 2.[6]

Вступление

Эта книга о бездомных и бездомности в современной России. Большая часть книги состоит из историй людей, потерявших жильё и вынужденных жить на улице, в ночлежках, подъездах, рабочих домах, на вокзалах, в заброшенных зданиях и других местах. Большинство историй, рассказанных мне, я поместил в полном виде. И лишь в некоторых случаях текст пришлось урезать и корректировать, очищая его от повторений, междометий, чрезмерного употребления ненормативной лексики и отклонений от темы для удобства читателя. В целом же я постарался остаться максимально верным моим рассказчикам, передавая разговорный стиль их нарратива.

Среди тех, кого я проинтервьюировал, также есть и несколько представителей администрации ночлежек, дневных центров и рабочих домов из Москвы, Подмосковья, Ярославля, Костромы и Твери. Их точка зрения позволяет дополнить картину бездомности в стране. Я неслучайно выбрал жанр устной истории, предоставляя людям возможность говорить за себя без посредников, от первого лица. Таким образом, в определённом смысле эта книга – взгляд на Россию изнутри, через людей, находящихся на обочине жизни. Я убеждён в том, что каждый заслуживает право не просто рассказать свою историю, но и быть услышанным.

История – всегда сумма единичных жизненных опытов. Здесь я говорю не об истории как о псевдопатриотическом оффициозе, заполняющем полки наших книжных магазинов, а об истинной истории России снизу. Истории рабочих, служащих, крестьян, пенсионеров, инвалидов и представителей различных социальных групп, которые показывают страну во всём её многообразии и полноте – историю, которую власти методично замалчивают. А если уж говорить о замалчивании и полноте социального спектра, то нельзя не упомянуть и бездомных, которым особенно тяжело. Тем важнее было дать им возможность рассказать о своей жизни.

Причина моей заинтересованности в бездомности лежит в прошлом. Я родился и вырос в России. Как и миллионы других я ходил в детский сад, школу, университет, но в отличие от остальных, закончив образование, я решил эмигрировать. Осенью 2001 мне был двадцать один год, и решение об отъезде на Запад навсегда стало самым сознательным решением в моей жизни. Впоследствии я осел в Австрии и годами работал в социальной сфере. Я работал с инвалидами, умственно-отсталыми, больными рассеянным и боковым амиотрофическим склерозом, а позже и бездомными.

Последние годы я посвятил себя приюту „Хернальс“, одному из самых больших и загруженных домов на полдороги для бездомных в Вене. Там я работал бетройером в тракте с наркозависимыми, но также имел дело с алкоголиками, бывшими заключёнными, душевнобольными и просто людьми,

которым в силу каких-то причин просто не повезло с жильём.

Конфликты, драки, стресс и воровство, выпивка, потребление наркотиков в доме и запреты на проживание сменялись комнатными визитами, постылой рутиной, апатией и готовкой еды. Но не всё было плохо: были также и курсы трудоустройства, встречи с социальными работниками, успех реинтеграции, взаимовыручка и трогательные проявления человечности. Правда, вскоре за этим следовала очередная драма, жалобы и обещания проломить кому-нибудь голову. В дом то и дело приходили наряды полиции, скорой помощи и пожарной охраны. Иногда наступало короткое затишье, после чего цикл повторялся с начала с небольшими вариациями.

Через три с половиной года чередования дневных и ночных смен, будних и выходных я совершенно перегорел. В огромном доме на 268 бездомных мужчин из разных стран я был искренне уверен в том, что видел всё. Но чем больше я стал интересоваться бездомностью в России, тем больше убеждался в том, что испытал далеко не всё, а если что-то и видел, то в корне отличное. К востоку от границы проблема бездомности была подобна бочке без дна.

Это было особенно очевидно в сравнении с Западом. В Австрии, к примеру, социальная сфера развита очень хорошо, что является многолетней заслугой социал-демократии. И если кто-то теряет жильё, то государство его поддержи-

вает до такой степени, что бездомному скопить денег, получить муниципальную квартиру по льготной цене и вернуться в полноценную жизнь весьма реально. Попавшего в беду видят, слышат, ему помогают информацией, социальными выплатами и крышей над головой. В России же всё ровно наоборот: бездомные – это невидимые люди, которых практически не воспринимают.

С момента своего отъезда на Запад я продолжал регулярно приезжать в Россию. И в каждый свой приезд я повсюду встречал бездомных. Куда бы я ни ехал – в Рязань, Сергиев-Посад или в Москву, везде они были в избытке. В последние годы бездомные стали проникать даже в аэропорты, в частности, в Домодедово и Шереметьево. Там ожидающих контроллируют не так строго, как на вокзалах, да и лавки в залах ожидания есть без перегородок – можно поспать. И пока тысячи наслаждаются комфортом, шоппингом и летают во всевозможные страны мира, аэропорт для бездомных символизирует экзистенциальный тупик.

Тупик этот ощущается и в сотнях других местах. Помню, как я шёл вечером по Маросейке. И там, между дорогими кафе и закусочными, на приступке сидело два бездомных алкаша. Были они грязны и опущены до невероятия. Под ногами у них валялся их пьяный друг. Он спал на асфальте, прямо в луже, повернув лицо к прохожим, так, как если бы заплёванная земля была его постелью. Контраст с буржуазным духом центральный улицы столицы был фантастический.

Этот эпизод напоминал об очевидном: богатство Москвы не для всех. Оно зарезервировано для тех, кто дистанцируется от бедных, от невезучих и несчастных, намеренно вытравит в себе сострадание к ним. В этом отношении Москва это образцовое классовое общество в миниатюре, а Кремль – его символический маяк.

Первопрестольная давно стала магнитом для тех людей из регионов и жителей соседний стран, которые потеряли работу и крышу над головой. Снова и снова я встречал алкашей, бездомных и нищих с переломанными носами, запущенными бородами, в грязной одежде. Как-то под вечер в центре Москвы во дворе дома я прошёл мимо одного опустившегося бездомного. Он стоял, разговаривал сам с собой и плакал. Тихо жалуясь на что-то, он держал перед лицом зажжённую сигарету. Потом затягивался и сквозь слёзы продолжал что-то жалобно себе говорить. За калиткой, в скверике, метрах в пяти от него, сидели его кореша, пили водку и оживлённо о чём-то болтали. И видно было: обидели его чем-то, оттолкнули от себя. А он стоит и плачет как брошенный ребёнок.

Позже я отправился во Владимир, и там ко мне подошла пара бродяг опустившегося вида. В руках у них были полные пакеты. Один из них обратился ко мне и что-то нечленораздельно спросил. Я склонился к нему и он повторил: – „родители у тебя живы?“ – „Оба умерли“ – ответил я. – „Тогда помяни их, помяни“ – сказал мне бездомный и протянул две красивые конфетки-помадки. – „Только детям их отдай, а не

кому-нибудь“ – авторитетно добавил его спутник постарше. „Хорошо“ – сказал я и поблагодарил их. Но детей я в тот день так и не встретил, да и отдавать конфеты незнакомым детям было бы странно. Возвращаясь обратно по дороге на вокзал несколько часов спустя, я увидел двух бездомных, просивших милостыню. Подойдя поближе, я положил конфеты в протянутую руку одного из них.

Прошло ещё какое-то время, и увиденное стало переходить в качество, обретая форму. Я решил начать общаться с бездомными, расспрашивать их о жизни и записывать наши разговоры на диктофон. Я до сих хорошо помню первых бездомных, которых проинтервьюировал. Это было в центре Москвы, на Китай-городе, и произошло случайно. Я переходил дорогу и увидел их – щуплого Володю и его здорового друга Пашу. Они сидели у метро, на приступке у церкви Всех Святых на Кулишках и о чём-то разговаривали. И было в этой сцене что-то задушевное, уединённое, что заставило меня замедлить шаг и захотеть услышать их историю.

Беда была в том, что именно в тот момент я был страшно голоден, так как не ел ничего с предыдущего дня. Вот уже несколько часов, как я ходил по делам и только начал искать закусочную. Есть хотелось так сильно, что у меня стало сводить желудок от голода. Я оказался перед выбором: отправиться есть и упустить шанс общения или остаться часа на два-три и голодать. Я выбрал последнее и не пожалел. Тот день в июне 2017 года стал началом моего погружения в мир

бездомных. С тех пор я расспрашивал их о жизни при любой возможности. Мы общались сидя на газоне в скверах, на вентиляционных тумбах, на автомобильных стоянках, возле помоек, у вокзалов, на скамейках и в дневных центрах. Мы разговаривали в разных городах, на солнцепёке, в холод и под дождём.

Правила были простыми. Я платил бездомным на улице символическую сумму в пару сотен рублей как компенсацию за потраченное время. Если разговор длился больше двух часов, я платил больше. Я предоставлял каждому решать самому, как нам говорить: на „ты“ или на „вы“. Требование у меня было только одно: рассказывать о жизни своими словами честно и без прикрас. Если о чём-то говорить не хотелось или отвечать на какую-то тему было неприятно, мне достаточно было об этом сказать, и я сразу отступался.

Поначалу я испытывал сомнения. Думал: кто согласится говорить о личном с полным незнакомцем? Да и не просто на дежурные вопросы отвечать, а раскрываться, говорить порой сокровенные, исповедальные вещи. Здесь я был приятно удивлён. Я понял, что если к человеку подойти с уважением, с искренним интересом к его жизни, он отзовётся и пойдёт навстречу. Именно поэтому мне почти никогда никто не отказывал. Более того, даже люди изначально испытывавшие скепсис и подозрительность, начинали после моих объяснений смотреть на меня по-другому. Один из бездомных, перед тем, как дать мне интервью, спросил у меня с сомнени-

ем: кому это будет интересно? Я сказал: ты знаешь, я думаю – многим.

Один сибиряк, застрявший в Москве, рассказав мне о своей жизни, признался: „я сначала думал, ты – проститутка, а теперь вижу: ты – ничего мужик.“ В первую секунду слова его сбили меня с толку, но я понял, что для него слово „проститутка“ было обозначением для продажного журналиста. И не быть им – означало комплимент.

И всё же иллюзий о жизни на улице у меня не было никаких. Бездомность в Российской Федерации – это огромный социальный порок, Левиафан, с которым государство практически не борется. Точной статистики в стране не существует, но по различным данным, сейчас в России от 4 до 4,5 миллионов бездомных, причём средняя продолжительность жизни на улице составляет 7 лет.[7][8] По другим оценкам масштабы бездомности ещё значительней: некоторые эксперты насчитывают в России от 5 до 8 миллионов уличных бездомных.[9] Но даже если взять заниженную цифру в четыре с лишним миллиона, то от неё становится не по себе. Цифра эта составляет около 3 % населения России и гораздо выше, чем численность всей российской армии. Наконец, четыре миллиона равняется без малого населению всей Финляндии. Это также больше, чем суммарная численность населения Эстонии, Латвии и Исландии вместе взятых.

В России бездомных привыкли маргинализировать и криминализировать. Такое положение дел прослеживается

очень давно. В древней Руси и в Российской империи бездомных и бродяг столетиями относили к армии нищих, с нищенством же верхи боролись методами жестоких наказаний. Бродяг и побирушек отдавали в крепостные, им рвали ноздри, их били кнутом, клеймили и даже публично казнили. В XVIII–XIX веках власть была вынуждена признать, что полицейскими методами проблему бездомности не решить. И в результате была организована система призрения, ставшая вторым историческим этапом в борьбе с бездомностью.[10]

Социальная политика и система поддержки стала быстро развиваться, но после Октябрьского переворота 1917 социальные достижения последних десятилетий были перечёркнуты коммунистической диктатурой. Позже, с ростом тоталитаризма в СССР был введен уникальный механизм государственного управления и контроля над населением, который держался на двух столпах: паспортной системе и системе прописки. Через регистрацию сталинизм получил возможность регулировать перемещение населения внутри страны. Люди, не имеющие прописки, автоматически причислялись к бродягам и привлекались к уголовной ответственности по статьям 198 и 209 УК РСФСР.[11] По постановлению от 19 июля 1951 года бездомных выселяли в отдаленные районы СССР на пять лет с обязательным привлечением к трудовой деятельности.[12]

Бездомность в СССР криминализовалась и при Хрущёве в ходе его „борьбы с тунеядством“ и использования статьи

209 УК „О мерах по усилению борьбы с бродяжничеством и попрошайничеством“.[13] Продолжилась криминализация и при Брежневском режиме, принявшем приказ МВД 1970 года „О мерах по усилению борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни“. Продолжились преследования и при Андропове, и при Черненко.[14] В ходе Горбачёвской Перестройки репрессивное отношение государства к бездомными практически не изменилось, а с крушением СССР в начале девяностых ситуация начала резко ухудшаться.

Ельцинские экономические „реформы“, приватизация, слепое следование заповедям неолиберального рынка и хищнический турбокапитализм привели к краху, а социальная защищённость, существующая при СССР, рухнула. Произвол квартирного мошенничества, закрытие предприятий и потоки беженцев, помноженные на социальные проблемы вроде алкоголизма, наркомании и насилия в семье привели к массовой бездомности, которая игнорировалась Ельцинским режимом годами. Циничным образом, коррумпированный государственный аппарат, виновный в беспрецедентном кризисе и его последствиях, бросил своих жертв на произвол судьбы. Он действовал по принципу „спасение утопающих – дело рук самих утопающих“, который отразился и в законодательстве.

Указ „О мерах по предупреждению бродяжничества и по-

прошайничества“ от 2 ноября 1993 года был утопичен. А постановление правительства РФ от 7 октября 1993 года „О домах ночного пребывания“ с его последующими приказами и положениями оказалось контрпродуктивно, сильно усложнив получение койко-мест для бездомных. Для получения ночлега были установлены не только временные параметры, но и медицинские критерии. Оставаться в ночлежках бездомным можно было лишь 10 дней подряд и не более 30 дней в году безвозмездно, сверх же указанного срока надо было платить.

В дополнение к этому принятые в 90-е годы меры были противоречивы и хаотичны, а единый механизм реализации помощи бездомным на федеральном уровне отсутствовал. В результате, вопреки обещаниям Ельцинской администрации, сеть учреждений социальной помощи для лиц, оказавшихся в экстремальных условиях без определенного места жительства и занятий, так и не была создана. В 1995 году во всей России действовало всего лишь 25 ночлежек, 5 социальных гостиниц и 40 специнтернатов.[15] В огромной стране с 3,3 миллионами бездомных это было каплей в море.[16] И бесчисленное количество бездомных заплатило за это жизнью, погибнув от обморожений, туберкулёза, алкогольной интоксикации и пневмонии.

С приходом к власти Путинской администрации статус-кво в отношении бездомности мало изменился. Конечно, на фоне стабилизации таких шокирующих сцен бездом-

ности, как в 90-е уже нет. На улице уже не встретишь опухших, красно-синих, завшивленных людей, потерявших всякий человеческий облик и распространяющих далеко вокруг себя невыносимый запах. Но тем не менее в правовой базе продолжают существовать дыры, а система поддержки бездомных плохо координирована и страдает массой недостатков. Следствием этого стало то, что бездомность не исчезла, она просто изменила формы. Несмотря на то, что условия несколько улучшились, в России как и раньше продолжают умирать тысячи бездомных.

Общей статистики смертности среди бездомных в стране не ведётся, как не велось её и в 90-е. И это очень удобно. Таким образом правительство избегает тематизировать то скандальное положение, которое царит от Калининграда до Тихого океана из года в год. Но если закрывать глаза на цифры, цифры от этого не меняются. Бездомные в России продолжают умирать в рекордном количестве, беспрецедентном для стран индустриального севера. И отсутствие мер со стороны власти для исправления этой ситуации равносильно тихому убийству своих собственных граждан.

Так по данным руководителя „Ночлежки“, на улицах одного Санкт-Петербурга живёт около 50–60 тысяч бездомных. Из этого числа по различным подсчётам каждый год в городе на Неве умирает порядка 1000–1500 человек.[17] Но даже если взять консервативную цифру в более чем тысячу зарегестрированных смертей бездомных петербургского

отдела записи актов гражданского состояния, она пугает. В действительности же Питер – это только вершина айсберга. А ведь ещё есть Новосибирск, Екатеринбург, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород, Казань, Челябинск, Омск, Уфа, Красноярск и другие города миллионники, не говоря уже о бесчисленных городах и населённых пунктах, что поменьше.

При населении Петербурга в 5,3 миллиона мегаполис и другие города поменьше сильно проигрывают Москве. Столица с её лишь официальным населением в 12 380 000 становится прибежищем около 100 тысяч бездомных и занимает уверенное первое место по смертности среди них.[18] И хотя данные смертности по Москве отсутствуют, столица, безусловно, лидирует по смертности среди бездомных мужчин, женщин, стариков и подростков.

В Сибири, на Урале и северных областях России ситуация со смертностью бездомных не менее трагична, но там она ещё больше скрыта от глаз. И если в крупных центрах есть хоть какая-то инфраструктура, хоть какой-то шанс, то в провинции тишина оглушающая. Послушные правительству СМИ отказываются бить тревогу и огромное количество обморожений и смертей бездомных замечают лишь в больницах и моргах. Но там служащие при всём желании не в силах повлиять на процесс, поскольку сталкиваются лишь с его последствиями.

В России присутствие бездомных в лучшем случае терпят, в худшем их уничтожают. Характерно, что бездомных

в обществе называют неполиткорректным и дегуманизированным словом „бомж“, против которого протестуют правозащитники и члены гуманитарных организаций, поскольку то унижает честь и достоинство человека. Советский акроним МВД БОМЖиЗ (Без Определённого Места Жительства и Занятий/регистрации) появился в 50-е.[19] Как и БОРЗ (Без Определённого рода занятий) аббревиатура эта никогда не была идеологически нейтральным термином. Из милицейских протоколов задержания акроним в сокращённом виде перёшёл в сленг и мутировал в стигму, в обезличенную противоположность человеческому, в презрительный и уничтожающий штамп.[20]

„Бомж“ на языке современной России и её чиновников – это завуалированное кодовое слово для маргиналов, изгоев, человеческих отбросов, „других“, и поэтому никто не возражает, когда они умирают. Так проще. Если человека обезличить, принизить и превратить в парию, то смерть бомжа – это не трагедия и даже не драма, а в лучшем случае статистика.

Смерть чьего-то брата, сына, сестры, дочери или матери нормализуется, даже тривиализируется. Именно поэтому бездомных у нас с такой лёгкостью оставляют замерзать на улице и нередко отказывают в приёме в казённые ночлежки, если они из другого города или области. В больницах ампутации обмороженных конечностей у бездомных также превратились в рутину, на которую никто не обращает внимания. Бездомных выгоняют с тех мест, где они ночуют: подъездов,

с чердаков, из подвалов, из заброшенных зданий и с улицы. Их бьют и убивают группы хулиганов и правых молодчиков. Убийства бездомных в последние годы успели превратиться в тренд.

Здесь достаточно вспомнить, как в феврале 2011 года многолетний мэр Читы единоросс А. Д. Михалёв заявил во всеуслышание на заседании городской Думы: „к сожалению, мы не имеем лицензии на отстрел бомжей, а других законных способов справиться с ними сегодня нет“.[21] После скандала Михалёв был вынужден извиниться, сказав в заявлении, что слова об отстреле были „неудачной шуткой“. Убожество собственной души мэр компенсировал клеветническим обвинением читинских бездомных во всех грехах от кражы имущества и убийств до устройства пожаров.[22] Поразительным образом, единоросса и главу администрации, косвенно призывающего к расправе, с его поста не сняли и не осудили.

Но идея об уничтожении бездомных была не нова и практиковалась как до этого, так и после. К примеру, в 2015 году в Красноярске пьяные школьники сбросили бездомного с моста, потому что, по их словам, „хотели таким образом развлечься.“[23] Позже, в 2016, а в Ногинске, в лесу, двум бездомным, проживавшим в шалаше, нанесли удары обухом топора, после чего их задушили.[24] Убийства по стране продолжались и в других регионах. Вскоре Вологодский областной суд приговорил двух молодых жителей Белозерска, которые

убили бездомного, а спустя несколько минут сделали шокирующие кровавые селфи и записали видео с бравированием убийством и угрозами зарезать остальных.[25]

Через некоторое время бездомного забили до смерти в Рославле Смоленской области. А житель Новокузнецка не просто зарезал бездомного ножом, но и всерьёз рассчитывал на оправдательный приговор в зале суда.[26] И, наконец, убийства бездомных достигли апогея в 2017 году, когда была арестована банда „чистильщиков“. Банда эта убивала бездомных ножами, молотками и кастетами в Москве, Подмосковье и Ярославской области. И её члены были признаны судом виновными в убийстве более пятнадцати человек.[27]

Несмотря на арест и тюремное заключение некоторых преступников, большинство убийств, избиений и калечений бездомных в России не фиксируются. Виновные как правило не арестовываются и остаются безнаказанными. Те же немногие преступники, которые осуждаются по делам об убийстве бездомных, получают в основном бытовую статью УК, а не пункт Л статьи 105 (по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы).[28] Исходя из этого даже у правозащитных организаций статистика нападений на бездомных сильно занижена, поскольку они регистрируют лишь те редкие случаи, когда мотив ненависти признан следствием.[29]

Существует и другое явление – убийство бездомных „паспортистами“. „Паспортистами“ называют мошенников, кото-

рые убивают бездомных, чтобы завладеть их паспортами и заключить по ним какую-нибудь сделку.[30] Бездомных также нередко поджигают живьём, обливают кислотой и режут ножами или бритвами.[31] И хотя происходит это с пугающей периодичностью, в прессе об этом совершенно не пишут. Знаменитая правозащитница и активистка по делам бездомности Елизавета Глинка, более известная как Доктор Лиза, даже завела архив фотографий подожжённых. Бездомных трусливо поджигают спящими ночью какие-нибудь подростки, но взрослые также участвуют в поджёге на улице и в домах. По словам Глинки, бездомный заходит в подъезд погреться, его обливают бензином из зажигалки и поджигают. После этого Доктор Лиза и её сотрудники перевязывали ожоги по пять-шесть часов.[32]

Нападения на бездомых по стране происходят настолько часто, что производят впечатление, будто на них открыт сезон охоты. И это происходит при сознательном попустительстве правительства и правоохранительных структур.

В одном исследовании ИСЭПН РАН отмечается, что основную угрозу для себя бездомные видят в работниках правоохранительных органов (30,8 %), а также в группировках подростков (34,6 %). Исследование „Социальные проблемы современной России: московская специфика“ показывает, что к бездомным беспощадны не только скинхеды, но и подростки из вполне благополучных обеспеченных семей, так называемые „добровольные санитары, избавляющие

город от заразы“.[33] По утверждению обитателей улиц, работники правоохранительных органов предпочитают не вмешиваться и не пресекают действия молодежных группировок, которые жестоко их избивают. Нередки и случаи, когда полиция сама собирает с бездомных дань, избивает их, унижает, подвергает психологическому воздействию и принуждает их к признанию вины за несовершенные преступления.[34]

В атмосфере ненаказуемости этот постыдный статус-кво остаётся в силе уже много лет. Причина подобного презрения к правам человека, заключается в том, что в России бездомные – это по большому счёту не-люди, не-граждане, не-россияне. Они существуют среди нас, но находятся вне политической, экономической, правовой и большей частью социальной сферы. Вследствие этого дискриминация бездомных рассматривается как нечто само собой разумеющееся.

У бездомных нет серьёзных защитников их интересов. И результатом этого становиться то, что из бездомных пытаются сделать козлов отпущения, обвиняя их в росте преступности, асоциальности и других пороках. Л. С. Алексеева в своей работе „Бездомные как объект социальной дискредитации“ абсолютна права: дискредитация эта происходит целенаправлено. Утратив признаки „тотального“, государство оказалось неспособным удовлетворить нужды и потребности населения.[35] Оно знает, что потерпело поражение, и пытается обвинить в своём провале другого, отвлекая внимание

от себя.

Исходя из этого вся дискуссия в обществе сводится к тому, что бездомные должны сказать спасибо, за то, что имеют – пусть даже то, что у них есть, и близко к нулю. Поскольку у правительства решения проблемы беспризорности нет, дискурс незаметно переводится с бессилия государства, неспособного позаботиться о своих гражданах, на благотворительность. Благотворительность же при всём желании проблемы бездомности решить не в силах.

Благотворительность в России в отношении бездомных – это всё равно что пластырь на глубокое, ножевое ранение. Корни проблемы настолько глубоки, что поверхностная, паллиативная мера ничего не изменит, в лучшем случае, поможет немного замедлить кровотечение. Необходима прогрессивная и последовательная реформа, но возможна она лишь со стороны государства, которое в реформировании своей социальной сферы опять-таки не заинтересовано. Вместо этого правительство перекладывает тяжесть заботы о бездомных на церковь и частный сектор. Происходит своего рода неолиберальный аутсорсинг, целью которого является минимизация бюджетных затрат.

На фоне слияния российского государства и церкви подобное сбрасывание отвественности очень опасно и чревато нарушением прав бездомных. Помощь бездомным должна быть централизована, структурирована и происходить на секулярной основе, вне зависимости от религиозных убежде-

ний попавшего в беду. Вместо этого государство отдаёт опеку о бездомных на откуп посторонним. В России, безусловно, существует большое количество приходов, монастырей и частных организаций, где бездомным помогают и искренне о них заботятся. Честь им и хвала за это. Но дистанцирование государства от своей прямой обязанности приводит к тому, что многие организации, секты и частные дельцы злоупотребляют проповедованием слова Божия, введением обязательных молитв и религиозных правил.

Бездомные оказываются поставлены в зависимость от своих благодетелей и вынуждены играть по их правилам. Свобода воли нарушается и начинается принуждение. Представители рабочих домов, реабилитационных центров и представители различных церквей утверждают, что насильно в них никого воцерковлять не собираются. Но в действительности это не так. Ситуация гораздо сложнее, чем кажется, и давление на бездомных вписаться в религиозное окружение и „соответствовать“, безусловно, оказывается сильное. Также за отсутствием альтернатив многие бездомные вынуждены проживать в православных монастырях, где они оказываются подчинены строгим распорядкам, аскетизму, дисциплине и обязательному труду.

Хуже того, ряд квазирелигиозных организаций в России имеет весьма жёсткие методы контроля с массой правил, запретов и порой даже слежкой за бездомными, живущими среди них. Христианский фундаментализм в России не про-

сто растёт, но и капитализирует на масштабах бездомности. В этой связи отдельную проблему представляет собой и многие трудовые дома. Во многих из них происходит эксплуатация людей, попавших в трудную жизненную ситуацию.

Я говорю о местах, где на бездомных профитируют вербовщики, тёмные дельцы и псевдо-самаритяне. В большинстве рабочих домов денег за работу платят мало, в некоторых бездомным зарплату выплачивают лишь частями, по чуть-чуть. А в остальных деньги за работу обещают, но не выплачивают вообще, прикарманивая заработанное жильцами. В результате бездомные живут на положении трудового рабства и работают только за еду и ночлег. Поразительным образом, никакого чёткого государственного контроля и проверок в подобных местах не проводится, и произвол цветёт.

Типичным примером в этом отношении стала благотворительная общественная организация „Преображение России“, которая получила общероссийский статус в 2008 году. Организация эта стала крупнейшей сетью в стране, которая занималась помощью „в трудной жизненной ситуации“. На пике своего развития „Преображение“ имело под своим контролем около 300 учреждений в 180 городах страны, причём порядки были чрезвычайно строгими, а бездомных нещадно эксплуатировали. С 2009 „Преображение“ стала регулярно попадать в криминальную хронику, а один из бездомных жильцов был убит сотрудником организации, который в боксёрских перчатках избил его за появление в нетрезвом ви-

де.[36]

В 2010 году началась череда закрытий филиалов, а проверка выявила массу нарушений, цинизма и использование людей в качестве бесплатной рабочей силы. Неслучайно протоиерей Александр Новопашин заметил, что за последний год своей официальной деятельности „Преображение России“ превратилась в тоталитарную секту.[37] В июне 2011 года Верховный суд ликвидировал „Преображение“, после чего та раскололось на ряд организаций поменьше: „Инициатива“, „Возрождение“, „Благодать“, „Твой путь“, „Путь преодоления“, „Ника“, „Берег надежды“ и так далее. Большинство их по-прежнему связано со старой, коррумпированной администраций осуждённого на 9 лет лидера Андрея Чарушникова.[38] Между тем эксплуатация бездомных якобы некоммерческими организациями продолжается.

В этой связи любопытен аспект бесправия. Бесправие бездомных проявляется во всём: в изнурительной работе на стройках, в расписанном с утра до ночи ритме трудовых домов и требовании охранников платить ежедневную дань за нахождение на вокзалах. Проявляется бесправие и в вымогательстве полицией „штрафов“ за отсутствие регистрации, который полицейские по закону не имеют права взимать. Оно также показательно в случаях принудительной дактилоскопии, когда в ряде случаев полиция и ОУФМС незаконно заставляли бездомных в приютах делать отпечатки пальцев.[39]

Всё это не говоря уже об унизительных полицейских рейдах против бездомных в Абакане, Хабаровске и Улан-Уде, целью которых стало фотографирование, дактилоскопирование и оформление специальных опознавательных карт бездомных.[40] Половина подобных операций имеет постыдное кодовое название „Бомж“. Причём в отдельных случаях стражи порядка просят население сообщать о фактах местонахождения бездомных граждан в отдел полиции, то есть попросту доносить на них.[41]

Бесправие также выражается отсутствии безопасной питьевой воды и в медицинской сфере: вынужденной антисанитарии, эпидемиологической опасности и том, что уровень заболеваемости бездомных туберкулезом в 44 раза выше, чем в среднем по стране.[42] Характерна также и недоступность гинекологической помощи для бездомных женщин. Женские консультации отказываются ставить на учет, обследовать и лечить беременных бездомных. И это ведёт к запущенности заболеваний, передающиеся половым путем, вплоть до врожденного сифилиса у детей.[43] Наконец, бесправие бездомных выражается и после смерти. Муниципалитеты не прилагают особых усилий для того, чтобы установить личность умерших бездомных и организовать им достойные похороны. Они презрительно хоронят их в целлофановых мешках и гробах по минимальному тарифу. На кладбищах места эти имеют безличные номера и называются „места для захоронения неопознанных граждан.“[44]

Хотя в теории бездомным можно находиться на улице и в общественных местах, на практике их отовсюду регулярно гонят. Как правило это происходит со стороны правоохранительных структур и охранников, но часто осуществляется всеми теми, кто ненавидит бездомных и нищих. Характерен пример, когда в декабре 2017 года сотрудница питерского филиала KFC отобрала у бездомного еду, которую тому оставил посетитель, вышвырнула её в мусорку и злобно выгнала человека из заведения.[45] Тут уж свобода пнуть ближнего абсолютная, делай что хочешь – никто не остановит.

На эту тему мне вспоминается эпизод из жизни. Как-то я разговаривал с бездомным по имени Паша. Это было в центре Москвы, и мы присели на картонку у решётки возле пустой парковочной стоянки. Вскоре к нам подошёл какой-то развязный, полный тип лет тридцати с лишним и стал вмешиваться в разговор. Был он на редкость неприятен. Назвался „шерифом“, потребовал мои документы, лез с никому не нужными советами и всячески подчёркивал свою важность. Как выяснилось, типа звали Сергей, он был охранником парковки и был знаком с Пашей. В конечном счёте Сергей милостиво разрешил нам общаться, но захотел стоять рядом и слушать. Я отказался, заметив, что наш разговор – это личное. И тогда охранник мгновенно отправил нас на другой угол парковки – за мусорные баки.

Реакция охранника была совершенно смехотворной – нам пришлось пройти всего тридцать метров с одного места на

другое. Но цель была не в этом, а в том, чтобы показать свою власть и унизить нас. Сергей был мелочным, глубоко закомплексованным человеком, но сделать ничего было нельзя. Он был хозяином своего крошечного микромира и распоряжался в нём как диктатор. Я посмотрел на Пашу. Он молча поднялся, взял свои вещи и послушно пошёл в направлении мусорки. Я с раздражением последовал за ним. То, что для меня было новостью, для Паши и миллионов таких, как он было ежедневной реальностью. Каждый бездомный сталкивается с подобным и худшим произволом сотни, а то и тысячи раз.

Случай этот, конечно, пустячный. Но суть в том, что в России много таких, как Сергей. Для них произвол по отношению к бездомным – это отдушина, возможность почувствовать свою силу, проявить характер, даже если такового и нет. Кто-то из более успешных граждан, возможно, думает, что охранник по своему статусу сам находится где-то внизу социальной иерархии, но в мире всё относительно. На своём посту охранник по отношению к бездомным вовсе не охранник, он – шериф. Вверенная территория становится его собственностью, вотчиной, и вот глядишь – а наш секьюрити уже на вершине пирамиды. И слово человека, которого никто никогда не слушал, вдруг становится непреложным законом.

Ещё одна причина написания этой книги заключается в том, что в России существует масса превратных представле-

ний о бездомности, а также ложных стереотипов, негативных клише и устоявшихся мифов, которые я бы хотел развеять. К ним относится идея о том, что бездомными становяться или в силу уличной „романтики“, „любви к бродяжничеству“ или по собственной вине – предположительно, люди неорганизованные, пьющие, ленивые, не желающие работать. Но согласно одному научному исследованию, только 2,8 % бездомных стали бездомными в результате личного выбора.[46]

Согласно другому распространённому стереотипу, бездомные – это попрошайки и „потрошители“ мусорных контейнеров. В действительности, согласно одному исследованию, сбор милостыни является практикой только 16,8 % опрошенных бездомных, а содержимое мусорных баков и свалок является источником средств существования всего для 0,9 % бездомных.[47] Ещё один миф гласит, что бездомные, якобы, представляют опасность для общества. Это тоже неверно. Бездомных в основном задерживают не за уголовные, а за административные правонарушения, то есть за отсутствие регистрации или распитие алкогольных напитков. Подавляющее большинство опрошенных сотрудников милиции (72,4 %) считает, что бездомные совершают правонарушения не чаще, чем остальные граждане.[48]

Ещё один миф заключается в том, что все бездомные – грязные и, якобы, не любят мыться, поскольку не заботятся о личной гигиене и давно махнули на себя рукой. Люди забы-

вают о том, что мыться бездомным попросту негде. Немногочисленные дневные центры, ночлежки и дезстанции существуют лишь в крупных городах в абсолютно недостаточных количествах, а социальных прачечных в России считанные единицы.[49] При отсутствии подобных мест удивительно, что бездомные вообще умудряются мыться.

Многие из живущих на улице проявляют впечатляющую изобретательность и креативность, пользуясь раковинами общественных туалетов и заправочных станций. Бездомные, которые заботятся о поддержании личной гигиены и чистоты одежды, не выделяются из массы и не привлекают внимания на улице. В силу этого они вообще не расцениваются прохожими как бездомные. В результате, лишь вид опустившихся бездомных укрепляет негативный общественный стереотип, в то время, как большинство борющихся за выживание трудоспособных и законопослушных бездомных игнорируется.

Наконец, одно из главных заблуждений заключается в том, что возвращение из бездомности, якобы, не представляет труда. Многие всерьёз думают: надо только захотеть, взять себя в руки, оформить документы, найти работу, жильё и всё образуется. А если нет, значит, человек не хочет, значит с ним что-то не то. Словом – сам виноват. То, что отсутствие регистрации и жилья ведёт к дискриминации, нелегальному трудоустройству и бесправию совершенно сбрасывается со счетов. Игнорируются и другие важные факторы вроде социальной депривации, депрессии, страха будущего, холода

и голода. Игнорируется и то, что существующая система сознательно вставляет бездомным палки в колёса и не даёт им вернуться в общество, даже если они об этом мечтают.

Почти все мифы о бездомности базируются на одном и том же ложном посыле – личной вине. Но именно этот посыл вдребезги разбивается о факты. По статистике причины бездомности заключаются совсем в другом. Так по данным, приведённым авторитетной Санкт-Петербургской „Ночлежкой“ не её сайте, 36 % процентов оказываются на улице по семейным обстоятельствам. То есть из-за семейных конфликтов и желания получить недвижимость родственники выселяют своих близких. Вторая причина бездомности (22 %) – это внутренняя миграция, то есть переезд в другой город в поисках работы. Третья (17 %) – это мошенничество при сделках с недвижимостью. Жертвами „чёрных риэлторов“ становятся главным образом одинокие люди – пожилые, выпускники детских домов и лица, имеющие ментальные нарушения.[50]

Ещё одна важная причина бездомности (10 %) – это отсутствие жилья при освобождении из мест лишения свободы, будь то из-за смерти родственников, лишения прав на общежитие или расселения аварийного жилья. Другие факторы бездомности включают в себя процент иностранных граждан и лиц без гражданства (6 %), принудительное выселение из-за смерти родственников и потери служебного жилья (4 %) и обладателей жилья, непригодного для прожива-

ния, вроде погорельцев (3 %). И лишь ничтожные 2 % бездомности заключается в других причинах.[51]

Таким образом, личная ответственность в потере жилья играет лишь периферийную роль. И это является подтверждением тому, что проблема бездомности куда сложнее, чем индивидуальный выбор или конкретная неудача того или иного лица. Бездомность имеет глубокие экономические, политические, социальные и исторические корни. Она неразрывно связана с экономическим кризисом, безработицей, инфляцией, недостаточными пенсиями, повышением тарифов жилищно-коммунального хозяйства и отсутствием перспектив. Ещё один фактор заключается в отсутствии реабилитационных центров и том, что неприспособленным к жизни подросткам-сиротам после детского дома не удаётся получить жильё. В результате, огромное их количество становится нищими и бездомными.

Бездомность также напрямую связана с алкоголизмом. Но никто не говорит о том, что алкоголизм нередко является не причиной, а *следствием* бездомной жизни. Выпивка становиться возможностью согреться от холода, средством для преодоления физической, психической и моральной боли, а также бегством от реальности.[52]

Никто также не говорит о том, что чрезмерное потребление алкоголя в России уже много лет агрессивно продвигается в массы, поскольку означает миллиардные вливания в казну, от чего правительство напрямую профитирует. Жен-

ская бездомность помимо алкоголизма нередко связана и с насилием в семье. Социальных же убежищ для защиты женщин, как и политического курса на защиту жертв домашнего насилия в стране практически не существует, и многие женщины оказываются на улице.

Наконец, количество бездомных пополняется и многочисленными участниками военных конфликтов от Афганистана, Приднестровья и Чечни до Восточной Украины. Тут разница между первоначальным ура-патриотизмом с обещаниями пропагандистской военной машины и реальной жизнью после войны просто ошеломляющая. Бывшие военные сталкиваются с изоляцией, инвалидностью, травмой, отсутствием медицинской и психологической поддержки, невыплатой пособий и пенсий, нищетой и бездомностью. И это особенно характерно в отношении тех тысяч добровольцев, которых неофициально отправляли воевать за сепаритизм Восточной Украины. До 2015 года, когда про-российские бандформирования признали армией, вся выслуга и ранения на территории ДНР и ЛНР, не зачитываются, и Российское правительство относится к собственным калеченным солдатам так, будто они призраки.

Любопытно, что хотя ряд мифов о бездомности совершенно не соответствует действительности, они принимаются большинством на веру. Причина этого проста. Политический климат в России таков, что средства массовой информации – телевидение, радио, печатные и интернет-издания

всячески насаждают подобный упрощённый, карикатурный взгляд на мир. В одном исследовании стигматизация бездомных в СМИ была метко названа как „язык вражды“.[53]

В условиях информационной монополии подобный уничижительный „анти-имидж“ рассматривается некритично и принимается за чистую монету.[54] В результате, большинство склонно думать, что восстановить утерянные документы легко, что работу бездомым достать тоже несложно, что государство их поддерживает. Словом, у бездомных, якобы, есть достаточно альтернатив – дневных центров, ночлежек, служб социальной помощи и даже бесплатной юридической помощи.

В действительности это не так. Формально центры социальной помощи, ночлежки, дома на полдороги и пункты обогрева существуют, хотя и в недостаточных, смехотворно малых количествах. Помощь властей бездомным в России – это капля в море. Сути проблемы подобные учреждения не решают, так как в стране отсутствует главное: желание государства реинтегрировать бездомных в общество, протянуть руку помощи людям, попавшим в беду. Для Путинского режима такое отсутствие эмпатии чрезвычайно характерно. Тот уже давно ведёт целенаправленную войну с бедными. И к ним относятся не только бездомные, но и матери-одиночки, и многие многодетные, и безработные, и пенсионеры, и ветераны войны и Чернобыля, и дети-сироты и многие, многие другие.

В Путинской России господствует капиталистический миф, что все граждане, якобы, равны и каждый может честным трудом достигнуть всего, чего хочет. Но в реальности это, конечно, ложь. Правительство создало ситуацию, при которой учителя, рабочие, строители и труженики сельскохозяйственного сектора получают маленькую зарплату, а члены Госдумы и Совета Федерации – огромную. Младший и средний медицинский персонал, дворники, уборщики, курьеры и повара-бюджетники получают крошечные оклады, а приближённые к верхушке администраторы и главы банков и корпораций – астрономические.

В результате, даже по очень скромным данным опроса фонда „Общественное мнение“, 61 % россиян недовольны своей зарплатой.[55] Согласно данным Росстата, обнародованным в первом квартале 2017 года, доходы ниже административно установленной величины прожиточного минимума в стране получали 22 миллиона человек, или 15 % населения.[56] Это говорит массовом расширении „социального дна“, которое растёт за счёт бедности работающего населения. Это также свидетельствует о масштабах утраты обществом социальной стабильности и делегитимизации власти.[57]

Исторически бездомность всегда была дочерью бедности. И, значит, если мы хотим понять первую, мы сначала должны понять последнюю. В России человек, живущий за чертой бедности – это тот, чей месячный доход составляет ни-

же прожиточного минимума. Последний же диспропорционально занижен и не отражает реальную индексацию цен. Таким образом, даже официально признанное Росстатом число бедных в России де-факто занижено, не отражает реального положения и тяготеет скорее к нищете. К концу лета 2017 года прожиточный минимум составлял 10 701 рублей на трудоспособного человека, 8 178 рублей на пенсионера и 9 756 рублей на ребёнка. Глядя на эти цифры, неудивительно, что треть россиян ощущают себя нищими.[58]

Директор Центра макроэкономических исследований Сбербанка Юлия Цепляева верно заметила по этому поводу, что прожиточный минимум – это условная величина: „прожить на прожиточный минимум нельзя, можно только не умереть с голоду. Поэтому вопрос, что считать прожиточным минимумом, – политический.“[59] Политики же в Кремле хоть и знают, что прожиточный минимум это насмешка над людьми, не только не пытаются его увеличить, но и искусственно его занижают. Так старший аналитик инвестиционной компании „Риком-Траст“ Владислав Жуковский отметил, что реальный прожиточный минимум в России в два-два с половиной раза выше официального. По словам Жуковского, искусственно сдерживая его, „государство пытается сократить социальную нагрузку на бюджет.“[60]

Это правда и независимые эксперты в России согласны с Жуковским. Манипуляция стала очевидна в 2013 году, когда формирование потребительской корзины, от стоимости

которой зависит прожиточный минимум, было радикально пересмотрено правительством. Из трёх частей расходов корзины – продовольственного набора, непродовольственных товаров и услуг власти оставили лишь продовольствие. Таким образом, произошла незаметная подмена, приведшая к статистической манипуляции. Вместо того, чтобы урезать гаргантюанские зарплаты высокопоставленных чиновников, государство стало экономить социальный бюджет на самых уязвимых – малоимущих слоях.[61]

В итоге, вместо решения проблемы создаётся имитация такового. По мнению экспертов, расчёт прожиточного мунимума должен вычисляться на основании принципов концепции „базовых потребностей“ Международной организации труда (МОТ). Расчёт также должен учитывать и другие затраты, вроде затрат на воспроизводство населения, что также изменит общую оценку границы бедности. По оценкам исследователя В. В. Локосова, уровень бедности при таком измерении составит не официально статистические 12 %, а не менее 40 %, что примерно соответствует данным социологических опросов.[62]

Исходя из существующей ситуации привилегированное меньшинство в стране наслаждается благами сладкой жизни, а большинство отчаянно борется за выживание. Поляризация в обществе растёт. Уровень образования любого ребёнка, его конкурентноспособность и шансы на будущее напрямую зависят от состоятельности его родителей и их связей.

И поэтому неравенство в обществе запрограмировано с самого начала.

В исследовании „Неравенство доходов как фактор экономической и демографической динамики“ верно указывается на то, что существующие сегодня в России механизмы формирования и перераспределения доходов населения настроены и работают в пользу богатых. В итоге большая доля совокупного роста доходов уходит на рост доходов наиболее обеспеченных слоев населения, а на повышение доходов наименее обеспеченных остаются крохи. Специалист в области анализа и моделирования социально-экономических процессов А. Ю. Шевяков также отметил, что богатые группы населения „имеют институциональные преимущества, что позволяют им перетягивать эффекты экономического роста на себя.“[63]

В дополнение к этому рост реальных доходов в России происходит чрезвычайно неравномерно. Приближенный к кормушке состоятельный слой богатеет, в то время, как реальные доходы групп населения с низкими доходами падает. Что же до группы населения с самыми низкими доходами, то они остаются за чертой абсолютной бедности.[64] Исходя из вышесказанного, феномен бездомности существует не в вакууме, он – лишь часть более широкого феномена бедности. Бедность же в России в свою очередь неразрывно связана с классовом расслоением и избыточным неравенством. Другими словами, огромное количество бедняков в общем

и бездомных в частности возможно лишь благодаря несправедливому распределению средств в России. Львиную долю народного состояния поглощает элита, стоящая на плечах бедняков.

Доказательств этому масса. Уже в 2008 году, по расчетам негосударственной Российский экономической школы (РЭШ) „золотой миллион“, составляющий примерно 0,7 % населения России получал 30 % всех доходов населения.[65] Причём даже эта пугающая цифра, вероятно, занижена, поскольку оценки были сделаны без учёта дохода от роста стоимости капитальных активов и других доходов, не отражаемых в российской статистике. Казалось бы, куда уж хуже? Но нет – за последующие годы ситуация стремительно ухудшилась.

Согласно отчёту 2016 года о глобальном благосостоянии независимого швейцарского исследовательского института Credit Suisse, самые богатые 10 процентов россиян владеют 87 % богатством страны. Эти данные значительно превышают показатели всех крупных экономических держав на земле: так в США 10 процентов владеет 76 % богатством страны, а в Китае – 66 %. Беспрецедентных уровень неравенства выражается также и в том, что в России 92 тысячи миллионеров в долларах и 122 тысячи лиц, которые принадлежат к глобальной верхушке богачей, составляющей 1 %.[66]

В России также насчитывается 90 миллиардеров, состояние каждого из которых могло бы с лёгкостью решить мас-

су социальных пороков.[67] Но олигархи скорее умрут, чем согласятся на перераспределение средств. Тенденция к расколу общества на супербогатых и чрезмерно бедных последовательно прослеживается последние двадцать пять лет и в особенности в последнее десятилетие. Неслучайно британская газета „Гардиан“ по праву назвала Россию „мировой столицей неравенства“. По оценкам инвестиционного российского банка „ВТБ Капитал“, 1 % самых богатых россиян владеют 46 % всех персональных банковских вкладов в стране.[68]

Проблема заключается в том, что политическая элита в России живёт по собственным законам и безнадёжна оторвана от жизни простых людей. Богатые администраторы, политики и бизнесмены из списка Forbes, жители Рублёвки и „Золотой мили“, владельцы шикарных особняков, яхт, офшорных счетов и виноградников – это класс в себе. Класс, живущий в блаженном Элизиуме, где мечты сбываются и небо в алмазах.

Убеждённые в собственном превосходстве, верхи считают естественным существование нищенского прожиточного минимума. Поэтому даже официально признанное количество 22 миллионов бедных – это пустяк. Для элиты не важно и существование многолетних поселений бездомных возле огромных мусорных полигонов, где тошнотворная вонь круглосуточна, а еда просрочена.[69] Не важна для власть имеющих и зашкаливающая смертность среди беспризор-

ных подростков. В России даже разрыв между политической верхушкой и простыми гражданами настолько колоссален, что едва поддаётся описанию. Что уж тут говорить о бездомных – существование нескольких миллионов нежеланных граждан власти попросту не замечают. Бездомные для Путинского режима и его окружения как инопланетяне, как неведомые существа из далёкой галактики.

Классовая поляризация способствует созданию социального апартеида. Она также напоминает нам, что в России люди живут по различным законам и правилам в зависимости от их статуса. К примеру, в случае коррупции статус привилегированного чиновника позволит ему избежать тюрьмы или максимально смягчить наказание. В то же время простой человек будет отбывать срок по полной, а бездомный будет зачастую сидеть за преступление, которого вообще не совершал.

Наконец, и медицинская сфера напрямую подчинена финансам: богатые получают лучшее обслуживание в сверсовременных клиниках, в то время, как бедняки вынуждены довольствоваться худшим обслуживанием или вообще отсутствием такового. Миллионам дорогостоящие медикаменты и операции просто не по средствам. Таким образом, право на жизнь негласно соседствует с правом на смерть.

Бездомные в России находятся в угрожающем положении. Бездомность везде не сахар, но на Западе, по крайней мере, есть развитая социальная система поддержки. В России же её

практически нет. Другим значительным минусом является холодный климат, долгие зимы и высокая смертность от переохлаждения. Ещё одним – это невероятный русский бюрократизм, из-за которого часть государственных ночлежек в стране полупустует из-за слишком сложной системы оформления.[70] Такой же бюрократизм распространяется как на трудовую, так и на жилищную, и на медицинскую сферу. Государство само создало абсурдную ситуацию, когда бездомный без регистрации теряет право не только на жильё, но и на труд, на доступ к медицинской сфере, на пенсию, на образование, на выплату социальных льгот и даже на избирательное право.

Таким образом гражданин России становится привязан к месту регистрации и без регистрации теряет все свои права, становится деклассированным элементом. Такой административный произвол – злостное нарушение прав человека, которое перечёркивает не только все нормы международного законодательства, но и противоречит Конституции РФ. Более того, территориальный принцип регистрации в России идёт наперекор элементарной человеческой логике.

Требование Кремля оставаться на местах нарушает свободу передвижения и места жительства. Оно напоминает мне времена Крепостного права, когда народ был насильно прикреплён к земле. Власти отказываются понять очевидное: система регистрации дисфункциональна – бездомные *вынуждены* мигрировать в большие города и особенно на запад

страны, потому что на местах не создано условий и нельзя найти работы. Мигрирующих же бездомных наказывают и дискриминируют, урезая им помощь и вычеркивая их из списков нуждающихся.

В результате, Россия в социальной сфере напоминает средневековые княжества, в которых каждый сам за себя. Территориальный принцип и бездумная зацикленность на регистрации приводят к своего рода феодальной раздробленности. Представители казённых социальных центров в Москве говорят пришедшему за помощью бездомному из Перми: поезжай обратно. В Питере мурманчанину талдычат то же самое. На Смоленщине не рады астраханцу, в Саратове – соседу-воронежцу, а во Владивостоке бездомному настойчиво рекомендуют возвращаться за несколько тысяч километров обратно в Сургут.

Все берегут собственный бюджет и отдают предпочтение местным. Никого не интересует, что дома перспектив нет, и люди оказались там, где оказались в силу объективных экономических причин. В результате люди выпадают из системы и застревают „в подвешенном состоянии“, а само понятие национального единства и взаимопомощи вышвыривается за борт.

Отсутствие регистрации также неизбежно увязана с проблемами в трудоустройстве, которые опять-таки не позволяют найти постоянную крышу над головой. Согласно статье 64 Трудового Кодекса РФ, наличие регистрации не являет-

ся обязательным условием для трудоустройства. По закону, ограничение прав на основании места жительства (в том числе наличие или отсутствие регистрации по месту жительства или пребывания) не допускается.[71]

Но в действительности происходит именно „ограничение прав“. Работодатели сверх документов, предусмотренных Трудовым кодексом, требуют и свидетельство о постановке на учёт в налоговом органе по месту жительства – ИНН.[72] В атмосфере безработицы и конкуренции на рынке труда работадатель пользуется отсутствием регистрации у людей и либо совсем не нанимает их, либо платит им по заниженным расценкам из-под полы, пользуясь их отчаянным положением. Формально в случае отказа в трудоустройстве из-за отсутствия регистрации можно обратиться в Трудовую инспекцию. Но все знают, что это ничего не даст и потому бессмысленно.

Так государство создало для бездомных стену номер один. Она представляет собой замкнутый круг: без регистрации нет работы, а без работы нет жилья. Вторую стену представляет собой отсутствие какой-либо финансовой поддержки со стороны государства, которая по-прежнему привязано к регистрации. Бездомных в качестве безработных не регистрируют, не дают направление на трудоустройство и не выплачивают пособий по безработице.[73] В России, человек, потерявший жильё и работу, остаётся без копейки. Он оказывается брошен на произвол судьбы. И людям предоставля-

ется бороться за выживание на улице, пусть даже они много лет работали и законопослушно платили налоги.

Очередную стену для бездомных представляет собой сложность в восстановлении утерянных документов. Она и для простых граждан непроста, а для бездомных осложнена ещё более. Для получения паспорта гражданина РФ необходимо обратиться в территориальный отдел по вопросам миграции УМВД России по месту фактического пребывания. Там нужно лично предоставить четыре фотографии (300 рублей), квитанцию об оплате госпошлины за бланк паспорта, стоимостью 1500 рублей, справку из линейного участка на 6 февраля 1992 года. В дополнение к этому понадобится листок убытия с последнего места постоянной регистрации и массу других документов при наличии. Срок оформления паспорта при отсутствии регистрации занимает от двух месяцев и более, хотя причина для этого для меня и многих других абсолютно непостижима.

Понятно, что для большинства бездомных, живущих на улице, подобная операция по восстановлению паспорта совершенно нереальна. В поддержку им существуют социальные службы, которые помогают в восстановлении документов и даже оплате таковых. Но существуют они в основном в крупных городах, то есть не для всех, да и о существовании их нужно знать. Многие же бездомные необходимой информацией не обладают и ей их не обеспечивают. [74] Так, например, „Справочник бездомного“ с необходимыми адресами и

телефонами формально издаётся крошечными тиражами, но его практически не распространяют. В результате, „Справочник“ часто оседает в бюро администрации ночлежек и центрах социальной помощи, то есть у тех, кто обо всём и так отлично информирован. А те, люди, которые нуждаются в нём больше всего, часто его ни разу не видели.

Одна из самых больших преград для бездомных старшего поколения заключается в получении паспорта РФ, если у них на момент шестого февраля 1992 года не было регистрации на территории Российской Федерации. Здесь для бывших жителей Союза начинается настоящий кафкианский процесс. Сложность заключается в том, что если к 6 февраля 1992 года человек с паспортом СССР был зарегистрирован в России, то он признаётся гражданином РФ. Если же регистрации у него не было, то – нет.

По российскому законодательству, лицу этому доказать своё гражданство будет чрезвычайно сложно. То, что РФ является правопреемницей СССР, игнорируется. По закону, если на 6 февраля 1992 года не было регистрации на территории России, „необходимо доказать в суде, что человек в это время находился на территории РФ и не принимал гражданства других государств.“ Именно так: русским нужно доказывать в суде, что они русские, а не дагестанцы, не азербайджанцы, не узбеки, не эстонцы и не немцы.

Опять-таки теоретически свою принадлежность к РФ можно доказать с помощью подтверждающих документов.

Те, у кого они есть, могут себя поздравить. Для тех же людей, у кого они утеряны, например, погорельцев – начинается настоящий ад. Они живут из года в год, и для государства их не существует. Их нет в компьютере, их нет на бирже труда или в числе пенсионеров – их нет нигде. В 2012 году таких „невидимок“ с советскими паспортами по России лишь по официальной статистике оставалось 68,6 тысяч.[75] Формально процесс упрощения механизма получения паспортов РФ начался в 2012 году, но де-факто по-прежнему тормозится бюрократией, которую судьба бездомных совершенно не беспокоит.[76]

Не беспокоит госаппарат и то, что начиление пенсий в России привязано к трудовым книжкам. Трудовые книжки в СССР были функциональны, но с развалом Союза превратились в свою противоположность. Правительство же упорно настаивает на том, что выплата пенсии зависила от подтверждения стажа в СССР по месту работы. Таким образом, если человек в советское время работал в Таджикистане, на Дальнем Востоке, в Армении или, скажем, в Белоруссии, то ему нужно получить подтверждение в том, что он действительно там работал. Это – очередное бюрократическое издевательство над людьми. Я однажды разговаривал с человеком, который несколько лет проработал на заводе в Чечне и не мог получить полагавшейся ему акредитации для пенсии. „Как мне доказать, что я там действительно работал?“ – спросил он меня, разведя руки. „Я не могу туда поехать, да и завода

того уже давно не существует.“

Таких, как он – тысячи, но Путинская администрация делает вид, что её этот вопрос не интересует. Это, мол, ваши проблемы. При этом проблемы с невыплатой или заниженным начислением пенсий напрямую связаны с бедностью, а та – с бездомностью. В результате, в России растёт число людей, которые не в состоянии получить от государства законно заработанную пенсию, оплатить квартплату и оказываются на улице. Более того, есть масса людей, получающих настолько крошечную пенсию, что они вынуждены идти побираться для того чтобы выжить.

Самое странное при этом то, что формально власти в стране решением проблемы бездомности занимаются. Но у них разница между теорией и практикой – это как разница между сказкой и былью. Типичным примером является Федеральный закон от 28 декабря 2013 года „Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации.“ Закон этот был принят Госдумой, одобрен Советом Федерации и вступил в силу с 2015 года. Номинально закон существует, но в действительности большинство его положений остаются на бумаге и не имеют с жизнью бездомных абсолютно ничего общего. Особенно характерна в этом отношении статья 4: „принципы социального обслуживания.“ В статье говорится, что социальное обслуживание „основывается на соблюдении прав человека и уважении достоинства личности, носит гуманный характер и не допускает унижения чести и достоин-

ства человека.“[77]

Я знаю многих бездомных из числа клиентов ночлежки „Люблино“, которые бы от души посмеялись над этой формулировкой. Туда даже в лютые морозы не пускают „кого попало“, а обращение и порядки напоминают тюремные.[78] Чрезвычайно забавны и потуги власти сделать вид, что в России существует меры по профилактике бездомности. Так, согласно Федеральному закону, профилактика обстоятельств, обусловливающих нуждаемость в социальном обслуживании, – это „система мер, направленных на выявление и устранение причин, послуживших основанием ухудшения условий жизнедеятельности граждан, снижения их возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности.“[79] То есть красивое греческое слово „профилактика“ прописано в законе, но на деле это лишь дымовая завеса. Она призвана вводить население в заблуждение, что государство, якобы, старается, что у него есть какой-то план.

Вопреки упрощённому стереотипу, у бездомности не одно лицо, а множество. Есть и своя классификация. Бездомность можно условно разделить на три группы: видимую бездомность (фактически бездомные граждане живут на улице, в подъездах, подвалах, на мусорных полигонах, в теплотрассах и под мостами), скрытую бездомность (иногородние, мигранты, юридически бездомные, живущие у знакомых, в общежитиях, рабочих домах, приютах и так далее) и потенци-

альную бездомность, когда люди формально имеют жильё, но рискуют его потерять и балансируют на грани нищеты.

К потенциальной бездомности относятся граждане, проживающие в аварийном и ветхом жилье, иждивенцы, сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, одинокие инвалиды, имеющие задолженность по оплате услуг ЖКХ, проживающие в общежитиях, находящихся в собственности предприятия и так далее.[80] Первой группе бездомных в силу её наибольшей заметности уделяется наибольшее внимание, вторая изучена хуже, третья же практически сбрасывается со счетов. В результате этого и отсутствия превентивных мер люди из второй и третьей категории часто скатываются в первую – „придонный слой“.

У бездомных со стажем есть свои ценности, мифология, стратегии выживания и иерархия, во многом копирующая тюремную. Иехархия эта базируется на статусе, подчинении законам среды, автономности и противопоставлении себя обывателям и государству. Согласно её законам самые авторитетные, опытные, организованные и известные в местном сообществе относятся к „элите“, а самые уязвимые и опустившиеся – к „низам“. Представители бездомных – это бывалые „реалисты“, полностью осознающих своё положение или так называемые „соглашатели“, которые смирились со своей долей, не хотят помощи и живут самодостаточно. [81]

Что же до новичков, то в силу общественной стигмы некоторые бездомные вообще отрицают свой статус, вытесняя

проблемы из-за стыда. Одно исследование так их и называет – „отрицатели“. „Отрицатели“ – это люди, потерявшие жильё, ушедшие из дома и ночующие в приютах или у знакомых, которые настойчиво говорят „я не алкоголик“, „я не бездомный“.[82] Из-за стигмы маргинальности и стыда жизни на улице люди часто скрывают свою жизненную ситуацию и стесняются попросить о помощи. Многие также отказываются возвращаться домой к родственникам, даже если у них есть такая возможность. Есть и бездомные, которые хоть и признают реальность своего положения, но дистанцируются от „бомжей“, которые в их представлении являются настоящими изгоями и олицетворяют собой истинное падение.[83]

Жильё теряют люди самых разных специальностей, возрастов, религиозных верований и социальных групп. После развода, увольнения, отписывания жилья на бывшего партнёра, травмы или инвалидности начинается сползание, которое можеть проходить медленно или быстро. Процесс бездомности имеет собственные законы: чем больше проходит времени, тем сложнее вернуться обратно, в прежнюю жизнь. После полугода жизнь на улице диктует поведенческую адаптацию, потерю социальных навыков, во многих случаях ведя к точке невозвращения. Люди начинают жить одним днём.

В своей диссертации „Бездомность в России: комплексный анализ и технология профилактики“ А. А. Молчанов верно отметил, что с увеличением срока бездомности человек вовлекается в сообщество бездомных, усваивает нор-

мы, ценности и постепенно теряет прежние связи: „поэтому именно длительный срок пребывания в статусе бездомного порождает особый образ жизни, который может изменять сознание человека, его мотивы и потребности, понимания им своего места в обществе. Эти особенности служат препятствием для бездомного к возвращению в нормальную жизнь.“[84]

Работу при отсутствии жилья и регистрации в России достать очень сложно, даже при желании. Тем не менее, многие в России из числа тех, у кого есть и работа, и дом любят судить тех, у кого нет ни первого, ни последнего. Они называют их „лентями“, „маргиналами“, „люмпенами“, „вонючими бомжами“, „социальными паразитами“ и эпитетами похуже. Это невежественно и глупо. Люди, которые судят, в действительности судят не реальных людей, а негативный стереотип, клише. Они не знают и сотой доли того, в каких условиях вынуждены выживать бездомные и того, что им приходиться выносить.

В атмосфере безвыходности многие на улице устают биться как рыбы об лёд. Они опускают руки, не пытаются больше найти работу, а при недостатке душевых и прачечных не моются и не могут стирать вещи так часто, как следовало бы. Люди утрачивают социальные навыки, наступает апатия, и бездомного затягивает трясина. Большинство из нас в обществе привыкли думать: со мной этого произойти не может. Но в том-то и дело, что может – и происходит.

Я пытаюсь представить, что было бы со мной, если бы я потерял своё жильё и остался бы на улице один. Что было бы, если бы у меня не было квартиры, регистрации и меня бы постоянно обманывали работодатели, как это регулярно происходит с бездомными. Сколько бы раз я смог падать, вставать и начинать сначала: пять, десять, двадцать, тридцать раз? Хотелось бы мне верить, что я бы не сдался и шёл вперёд вопреки бесчисленным преградам, но я не хочу себе врать. При наших холодах и отсутствии перспектив рано или поздно и я бы сдался.

Я также уверен, что при определённых обстоятельствах каждый человек может опуститься. Не важно по каким причинам: будь то смерть ближнего, депрессия, алкогольная или наркозависимость, потеря ребёнка, работы или поддержки родных, изнасилование, психическая болезнь или тюрьма. У каждого есть своя критическая точка, „усталость стекла“, после которой человек надламывается и отдаёт себя воле течения. И течение это многих уносит в бездомность.

На сайте Питерской „Ночлежки“ на эту тему есть любопытный тест – „индекс уязвимости“. Пройдя его, можно узнать личную вероятность оказаться на улице. Ответив на ряд вопросов, каждый россиянин может в течение двух минут узнать свои факторы риска. Узнав результаты, многие, без сомнения, почувствуют отрезвление и всерьёз задумаются. К примеру, мои показатели были очень хорошими, тем не менее мой индекс уязвимости составляет 29 %.

В долгих разговорах с бездомными меня удивило несколько вещей. Прежде всего, это ошеломляющее количество болезней среди „людей улицы“. Несмотря на то, что я знал о повышенной заболеваемости бездомных, при общении масштабы хронических заболеваний среди бездомных меня просто поразили. И даже если человек до потери жилья был совершенно здоров, потеря здоровья в результате продолжительной бездомности была запрограммирована.

Туберкулёз и экземы, гнойники и язвы на теле, сердечно-сосудистые и желудочно-кишечные заболевания соседствовали с производственными травмами и психическими заболеваниями. Картину завершали бронхит, педикулез, чесотка, грибковые инфекции, обморожения, неправильно сросшиеся переломы, ревматизм и боли в позвоночнике. Я также столкнулся с массой бездомных, которые не могли получить пенсию по инвалидности. Так в Твери я разговорился с пожилым бездомным, которого выгнала из квартиры сестра и который страдал рассеянным склерозом. Государственной пенсии старику не платили, и ему удалось пробить лишь небольшие выплаты от Красного Креста за многолетнее донорство крови.

Странным мне показалось и то, что людей, привлекающих бездомных в трудовые дома и реабилитационные центры, называют „волонтёрами“. Слово это намеренно вводит людей в заблуждение и его следовало бы брать в кавычки. Волонтёр в своём оригинальном значении подразумевает человека,

добровольно занимающегося за свой счет безвозмездной общественно-полезной деятельностью. В огромном же количестве „волонтёры“, работающие на трудовые дома, не имеют с безвозмездной общественно-полезной деятельностью ничего общего. Напротив, за заманивание клиентов они получают деньги и их следовало бы называть вербовщиками.

Меня также удивило то, что многие из московских бездомных хорошо относились к Владимиру Жириновскому. Поначалу я подумал, что ослышался, но невероятное было правдой: у Жириновского была репутация „помощника бездомных“. Зная уродливые ультраправые замашки лидера ЛДПР, я был уверен, что услышанное мной – утка, своего рода городская легенда. Но ещё пара бездомных, с которыми я разговаривал, продолжала настаивать на том, что Жириновский действительно раздаёт деньги нуждающимся и если подойти к Думе после после окончания работы и попросить у него денег – то он даст.

Задумавшись над этим, я пришёл к выводу, что, несмотря на сюрреальность, рассказанное, вероятно, было правдой. Подобный ход хорошо вписывается в миф Жириновского о том, что тот, якобы, „всегда был за бедных и за русских.“ Но здесь важен мотив: почему Жириновский раздаёт деньги бездомным? Не из сострадания, а потому, что он популист и любит эффектные жесты. А что может быть эффектнее того, чтобы отстегнуть нищему бродяге пару тысяч? Лидер ЛДПР прекрасно знает, что тот немедленно расскажет о его щедро-

сти десяткам своих знакомых, и милостыня окупится сторицей.

В этой связи Жириновский напомнил мне другого известного персонажа – Пабло Эскобара. К началу 80-х колумбийский наркобарон попытался проникнуть в большую политику. Глава кокаиновой империи не только прошёл в Конгресс, но и нацелился на пост президента Колумбии. Эскобар пытался представить себя колумбийским Робин Гудом. Он организовал в родном квартале широкое строительство и вкладывал грязные наркодоллары в благотворительность. Позже, для того, чтобы завоевать голоса колумбийцев, Эскобар также стал раздавать деньги беднякам в кварталах Медельина. Многие купились на этот дешёвый трюк и популярность Эскобара росла. К счастью, благодаря усилиям министра юстиции Родриго Лара Бонилья, Эскобар вылетел из Конгресса за наркобизнес, и политическим амбициям преступного мегаломана пришёл конец.

Почему я сравниваю Жириновского и Эскобара? Не потому, что они так похожи, а потому что оба они обладают общей чертой: оба цинично используют бедных и покупают их симпатию, раздавая им деньги. Здесь важно понимать: что бы ни говорил Эскобар в своё время и чтобы ни говорил Жириновский сейчас, оба они плевать хотели на бедных. Первый вошёл в историю, став главой наркокартеля, убийцей и террористом, а второй – ультраправым популистом, анти-

семитом-монархистом, апологетом женоненавистничества и воинствующего экспансионизма.

Для меня Жириновский навсегда останется фашиствующим клоуном-демагогом, человеком-карикатурой, помесью Трампа и Джокера. И сколько бы коррумпированный мультимиллионер не отстёгивал наличных бездомным при встрече, сколько бы талонов на деньги ЛДПР не выдавала после митингов, политика их останется в корне антисоциальной и деструктивной. ЛДПР – одна из многих партий в России, виновная в том, что создала климат, при котором бездомные собаки получают больше паблисити, чем бездомные люди.

Другой факт, который меня удивил в разговорах с бездомными, – это их симпатия к Путину. Путина называли „Володей“, „Владимиром Владимировичем“, „Вовой“ и отзывались о нём по большей части с любовью и уважением. Его единственного выделяли из серой массовки российских политиков. Для меня это было более, чем странно, даже непостижимо. Я спрашивал себя: как могут бездомные, живущие в таких ужасных, порой бесчеловечных условиях, славить Путина – архитектора той бесжалостной системы, от которой они напрямую страдают? Как они могут не видеть очевидной связи между коррупцией Путинской администрации, разграблением природных ресурсов страны и нехваткой средств на социальные нужды?

Удивительным образом, Путин в представлении бездомных не имел к произволу в стране ничего общего. Он здесь

был как бы „ни при чём“, как бы „над схваткой“. В этом бездомные печальным образом отражали точку зрения многих россиян, которые в последние годы смотрят на президента, как на данность, неотъемлемую часть пейзажа. И даже если всё вокруг них плохо и невыносимо, многие склонны винить кого угодно, но не Путина, даже если факты говорят за себя и вина президента более, чем очевидна.

Причин подобной селективной слепоты в обществе много. К ним относится и культ личности Путина, который агрессивно продвигается пропагандистскими СМИ, и имидж „корректного“, „патриотичного“ и „волевого“ лидера нации, который он себе умело создал. Путин намеренно окружил себя некомпетенцией и коррупцией, марианеточной Думой, легионом профнепригодных политиков и продажным правосудием. То и дело в России происходит какой-нибудь скандал и Путин на нём капитализирует. Он говорит своё веское слово, ставит точки над i, позиционируя себя как справедливого судью, как неотъемлемую „золотую середину“.

К сожалению, многие в стране покупаются на этот фарс и искренне считают, что без Путина всё развалится. Некоторые также думают, что президент, якобы, не знает про тот произвол, который их окружает, что несправедливость происходит без его ведома и поощрения. Рационализация происходит по старой формуле „царь хороший, бояре плохие“. Многие, также из числа бездомных, искренне считают, что

Путин и рад бы исправить положение, но у него „руки связаны“. Как часто я слышал подобные оправдания и как трудно мне было их выслушивать.

Список моих претензий к Путину можно продолжать до бесконечности. Но суть не в этом, а в бездомных, которые относятся к президенту с симпатией вопреки тому огромному вреду, который Путинский режим наносит им и миллионам других граждан. В этом смысле бездомные это не просто срез российского общества, но и прекрасный объект для пропаганды. Ироничным образом, пропаганда – это, пожалуй, единственное, в чём государственный аппарат не дискриминируют бездомных.

Вопреки устоявшемуся стереотипу большинство бездомных принадлежит к весьма консервативной части населения. Именно поэтому было бы наивно ждать от моих собеседников слишком критичного отношения к власти. Хотелось бы мне верить, что среднестатистический бездомный в России это либерально-мыслящий интеллигент, который смотрит телеканал „Дождь“, читает „Новую Газету“, слушает „Эхо Москвы“ и ходит на демонстрации, но это, конечно, не так. Напротив, бездомные в основном аполитичны, тяготеют к консервативным, популистским партиям и склонны принимать заявления власти за чистую монету.

За время своего общения с бездомными мне довелось пообщаться с самыми различными типажами. Все они нещадно ломали привычные стереотипы бездомности с её клиши-

рованным образом алкоголизма, нищенства, апатии и мировоззрением жертвы. Кто-то из встретившихся мне людей был добрым и чутким, кто-то более жёстким, кто-то был толерантен и открыт, а кто-то был убеждённым националистом. Словом, всё было как у любого члена общества. Даже когда я был с кем-то несогласен, мне приходило на память высказывание Вольтера „я не согласен ни с одним словом, которое вы говорите, но готов умереть за ваше право это говорить.“

Изменить существующую реальность без понимания её механизмов невозможно. Понимание же приходит к тому, кто умеет слушать и сопереживать – в особенности по отношению к бесправным, униженным и оскорбленным. Только вместе с ними у нас есть шанс понять то невыносимое чувство одиночества и покинутости, с которыми столкнулись люди в своей собственной стране. Лишь через осознание боли ближнего мы можем взглянуть на своё отражение, понять себя как общество и как общность.

Понимание ведёт к ответственности, а та – к гуманизму, потребности смыть то позорное пятно бездомности, которое разрастается по стране с каждым годом. С мыслями о будущем я выхожу из хвойного леса под пепельным небом к пустынной железнодорожной полосе. Я вступаю на насыпь, припадаю к земле и прикладываю ухо к рельсу. В отдалении слышно еле различимое постукивание колёс. Поезд приближается.

Лето

Володя

Погремуха у меня здесь „дед“, меня „дед“ зовут. Сам я детдомовец, ребятам здешним всегда помогаю, двоих отправил за свой счёт. Я на пенсии уже и при храме помогаю иногда, когда зовут. А жизнь-то у меня, если начать с самого малого, что могу сказать? Я не помню этот возраст, но в общем как по документам, в четыре годика меня забрали из дома. Мама выпивала, рос в детдоме. Прекрасный детский дом, друзья у меня остались. Со многими, конечно, не вижусь, но со многими знаюсь до сих пор. Серёжка у меня – самый лучший друг, он сейчас в монастыре, раньше был Сергей, теперь отец Илья, хороший человек.

Судьба распорядилась со мной иначе. Когда воспитывался в детском доме Юлия Александровна у нас была начальница – Куликова. Я её просил: Юлия Алексанна, можете меня в училище направить по музыке? Просто я любитель был. У нас был Сергей Александрович Гусаров. Он – инспектор по делам несовершеннолетних, и как бы я благодаря ему начал заниматься музыкой, увлекаться. Я даже, кстати, могу сейчас „Лунную сонату“ Бетховена спокойно на фортепьяно [сыграть].

Я начал заниматься, и я Юлию Александровну Куликову просил: Юлия Алексанна, ну пожалуйста, ну не надо мне этот строительный. – Володенька, надо сейчас… Ну тогда эти времена, это восемьдесят восьмой год, времена такие были ещё коммунистические. В общем, дорогу мне туда не дали – в музыку. Отучился, маляр-штукатур художественной отделки, ну, ещё на права сдал. Учился во Владимире, Пятнадцатое училище, Лисына улица. Ну, Лисына – так мы её называли, улица Диктора Левитана.

Детдом был во Владимирской области. Отучился, приехал в родной город, в котором рос, воспитывался в детском доме. Всё, вроде, как-то сложилось, нашёл девушку, всё, вроде, как бы хорошо. Потом так получилось, девушка, мне об этом не хочется, ну в общем, обманула она меня… Потом произошла эта Перестройка, я пошёл как раньше называли калым. Это как Колыма же, да? Я пошёл, на даче работал, работал, потихонечку зарабатывал.

Я сначала на койко-место жил, потом дали комнату. Ни мебели, ничего, даже стёкол не было, если честно. Я обворовал дачу, принёс и занавески, и палас – по тем временам это шикарно было. Через две недели ко мне постучали: Володенька, поехали. Я говорю: надолго? – Не знаю. Начальник милиции тогда был Кондрашёв – очень хороший мужик, дай бог ему здоровья. Ну, сейчас его нет в живых, но для меня он жив. За меня заступился Евгений Михалыч, он начальнику милиции сказал: давайте я его в армию отправлю. В армию

меня не отправили, я при военкомате ремонтировал машину. Пятьдесят шестой ГАЗончик там был, ну и так, по легковым машинам помогал.

Тогда мне было, наверное, восемнадцать-девятнадцать, такой возраст. Первый раз выпил в девяносто первом году. Я никогда этого не забуду, был девяносто первый год, когда я первый раз выпил алкоголь. Я даже когда в детском доме мы учились, мы прятались, мы с сигаретами – никогда, не дай бог кто-то увидит. По улице идём детдомовцы, а нас постригали всегда одинаково. Чёлку оставляли, а остальное всё сбривали. Мы просто – не дай бог, либо воспитатели, либо кто-то со школы увидит, нас так воспитывали.

– Наказывали за это воспитатели?

– Ну как наказывали… Ну так, как сейчас наказывают – это, знаешь, детский лепет. Меня братик наказывал, очень сильно, мой старший брат, когда унюхал, что я курю. А как получилось: мы в котельную спрятались и курили с ребятами. Тогда „Беломорканал“ был, то есть сигарет таких не было с фильтром. Ну, были там „Космос“, „Ява“, но до нас-то это не доходило. У нас „Беломор“: там стрельнём, на рынок сходим, постреляем. Вот меня один раз как брат наказал – я стал жёстко бояться. Я даже помню, я, наверное, месяца четыре не курил, я просто боялся. Не из-за того, что боялся курить, а я боялся, что брат узнает. У меня старший брат, тоже – царство ему небесное, ушёл из этой жизни.

Мы вдвоём [в детдоме] воспитывались. А два старших

брата, Сергей и Александр, – они дома жили. То есть мы самые младшие были тогда. В общем, мы у мамы все от разных отцов – все. Я – самый младший, Юрка вот он [немного старше]. Отца я не видел. Я маму нашёл в девяностом году, я приехал, я нашёл её в Гусь-Хрустальном, это посёлок мой любимый. Он у меня потом стал любимым посёлком, потому что я же там не жил, в городе-то. Это как дерево – посадил.

И я маму нашёл – первое что я [сделал], она упала, плачет передо мной: Володенька, сын, прости… Я говорю: мама, подымись, ты не имеешь права. Всё, она меня накормила жареной картошкой, мы здорово побеседовали. Я ей, правда, вопрос сразу задал, я говорю: мам, я хочу увидеть отца. Я хочу увидеть своего папу. На что мама мне ответила: Володенька, вас четверо у меня, вы все от разных. Я не обиделся, не оскорбился, она женщина, правильно? Я не имею права судить, мне никто этого права не давал.

Она сказала, но я ни фотографий, ничего не видел. Она мне объяснила то, что он повесился, я ей задал вопрос, я говорю: мам, как повесился? В общем там, как объяснить, я не знаю, как это называется. В общем, для меня это как Камеди клаб выглядит, но смысл в том, что он там от какой-то другой женщины чем-то там шибко заразился. Как мне мама объясняла, опять же я с отцом не разговаривал – это мне мама говорила.

Ничего, потом стал к ней ездить, потом приехал в Москву. Это Перестройка, я начал ремонтировать, реставриро-

вать квартиры, всё вроде бы хорошо. Повстречал здесь девушку, которая меня опять же обманула, видно, грехи я чьито искупаю до сих пор. Поработал, всё прекрасно, здесь меня подставили, именно вот на этой территории меня попросили продать газовый пистолет. Я понёс, я этому парню говорю: а чего ты сам-то [не хочешь]? – Я там должен. Я подошёл, автомобиль БМВ, даю этот пистолет, десять шагов отхожу, меня ложут на землю: Бутырка, полгода, туберкулёз…

Я объяснял, а кого там [интересует?] Там единственное, что судья – я до сих пор фамилию её помню – Матлаш. Она понимала всю эту ситуацию и плюс у меня сменилось три адвоката. Две молодые девушки были, а вот третий адвокат зашёл непосредственно прямо когда меня уже судили. Он зашёл, просто подошел, сказал: Владимир Владимирович, я ваш адвокат. Я говорю: спасибо. И он доказал Матлаш, судье, что у меня эти стволы уже по пятому делу идут. Он говорит: вы чего, у вас где утилизация? Он прокурору показывает: вы чего творите-то? Прокурор запросил полтора года мне лишения свободы. А адвокат так показал рукой пятерню, то, что я здесь уже отбыл, в Бутырке, – хватит мне.

Ну, результат – шесть месяцев, меня этапировали во Владимир. Всё, на централе, на „Копейке“ я побывал. Всё хорошо, освободился, мне помог отец Сергий, у кого я работал в охране. Он меня встретил, я приехал в Сергиев-Посад, сходили с ним, он мне показал дом, потом начал здесь жить, на этой улице. Спал, бывало, и под кустами – всё бывало.

Потом познакомился с людьми, почему-то сразу я всем понравился. Не знаю, не из-за того, что я жгучий такой по разговорам, но я правда, я ребятам помогаю. В храме меня когда просили, я всегда бесплатно всё делаю. Так вот, живу-выживаю, я не знаю, живу я или выживаю. Мне, если честно, всё нравится, но у меня есть мечта. Я осуществлю её, но пока у меня, конечно, такой возможности нет. Но я расчитываю, что у меня будет такая возможность, а эта мечта моя самая любимая. Вот у меня есть общежитие, комната. Я сейчас живу в общежитии, я снимаю за пять сто, у меня есть сейчас комната, я приезжаю сюда. Но иногда бывает, если я выпью шибко, там не пропускают в таком состоянии.

У меня есть мечта, я вот уже подобрал: Ивановская область либо Владимирская, я хочу какой-нибудь старенький домик купить. Пускай он немножко будет трухлявый, я его подремонтирую, руки-то у меня хорошие – и всё. Найду, а есть такие достойные женщины, которую смогу полюбить. И всё, я думаю, что я свою старость [там проведу]. Я из этого болота [выкарабкаюсь], я понимаю, да, конечно, некрасиво, я пью, небритый… Не бреюсь я почему, если я побреюсь – у меня подати не будет. Ну, это правда – я слово даю.

Я – человек такой, ты, наверное, заметил: я матом не ругаюсь, при ребятах не ругаюсь. Я спокойный человек. Вот тут ситуация была: какой-то залётный крендель с площади трёх вокзалов с ножом напал на ребят. Ну, я вот около чебуречной стоял, я говорю: Паш, смотри, убьют ведь. А они

его бить начали ногами, у дороги. Он с ножом подошёл, начал деньги требовать. Я вот сейчас вмешался, подошёл, взял этот нож и в урну кинул. И ребят угомонил, чтобы человеку больно не было. А ведь били жестоко, ногами – нельзя такие вещи делать.

Я всех их люблю, всех до безумия. Мне по барабану: мне хоть украинец, хоть негр, хоть я не знаю кто. Для меня все равны. Я за что свою жизнь люблю? Мне господь дал, значит, я должен любить каждого, я должен каждого уважать. Нет, есть, конечно, в каждой нации плохие люди, я согласен с этим. Но основная часть населения, вот я на паперти не первый год, основная часть населения – очень хорошие люди.

Я на них смотрю, они – я не знаю, как это назвать. Я думаю, там не сердце срабатывает, потому что сердце – это сердце, я думаю, там душа больше. Потому что люди – они как-то доверяются, вот женщина меня одевает постоянно, покупает мне шмотки. Она знает, что я их не пропью, многие деньги дают, они знают, что я выпью, но я же не пропиваю. Я их – в дело, у меня есть комната, которую я оплачиваю.

У меня всё хорошо, я думаю. Я немножечко вылез из этого, вот в каком положении я был год назад и в каком сейчас нахожусь, я вылез. То есть я могу вечером приехать, в комнату спокойно лечь спать. Меня никто не тронет, мне надо искупаться, помыться, я пошёл в душ сходил. Всё, туалет рядом, кухонка есть, всё, пожалуйста – готовь. Холодильник у нас в комнате есть, телевизор есть, а у меня ещё телефончик

такой мне подарили с телевизором. Если там, допустим, дядя Саша, пенсионер, он смотрит там какую-то передачу. Он „Звезду“ обычно телеканал смотрит. Я же не буду, правильно, ему говорить там „переключи“? Я свой включаю, раз – и живём, всё, я радуюсь за него. Здесь меня никто не беспокоит.

Меня единственное беспокоит когда иной раз вот, сейчас вот хорошие стали люди работать в метрополитене, с этих месяцев, которые наступили. Прекрасные ребята, они вот не трогают, а были времена, меня те смены-то прямо пшикали в лицо. Я – ни агрессии, ничего, просто сижу. Я кричу, я говорю: а вы спецсредства не имеете права против меня применять! Я просто сижу – п-ш-ш! Это полиция. Ну обидно: за что? Я же ни агрессии, ничего, я сижу спокойно.

Да, я понимаю, что грех, нельзя стрелять. Но я в метро-то не захожу, я сижу-то где, на подати-то рядышком, я не лезу туда. А „доброжелателей“, я смотрю, тут много. А уж сколько оскорбляли: и в спину плевали, и мелочью в лицо кидали мне. Прохожие – такие же люди, как и я.

Только единственное, эти кричат: иди заработай! А я – третья группа инвалидности, у меня полтела нету, у меня вырезали… Я могу показать, если ты мне поверишь… [подтягивает футболку, оголяет спину и показывает огромный шрам, идущий от рёбер к лопаткам]. Из-за туберкулёза, взяли – и вырезали. Это Скорняков, ангела ему Христова, дай ему бог счастья и здоровья. Владимирская центральная

больница, хирург Скорняков.

[Заразился я в] Бутырке. А там же фотографировали, когда заходишь, там, раздеваешься догола, они это делают: у меня всё нормально было. Через год после того, что пять месяцев я в Бутырке, месяц на Владимирском централе, на „Копейке“. Всё – через полгода у меня туберкулёз, распад лёгкого. Вот, полтела нет, сейчас живу, по инвалидности пенсию получаю, 8200 платят. Плюс за квартплату ещё вычитают сейчас у меня, двадцать процентов с пенсии забирают. Но, во славу божию, с июля месяца у меня уже будет полная пенсия, то есть у меня уже высчитывать не будут. Вот сейчас последний месяц, который я оплачиваю. И на полгода мне присудили за квартплату, за комнату, я же там не живу…

Это комнату дали мне как детдомовцу по заявлению от государства. Мне же квартиру как детдомовцу положено, а у нас, оказывается, закон – тот, что вот я же с восемьдесят восьмого выписался с детского дома. У нас, если до двадцати семи лет, ты в общей очереди, а в общей очереди – тысяча с лишним. Это раз, плюс самое интересное: когда я работал на стройке, когда я пришёл маляром-штукатуром работать, мне прямо шеф показывал, говорит: вот эта твоя квартира будет. Я был первый, стоял на очереди.

И вот этот вот дефолт, вот эта вся Перестройка – это всё, я потерял и очередь, дом заморозили, потом распродали все эти квартиры. Когда это всё было, в девяносто третьем, в девяносто четвёртом – и я остался без ничего. А так стоял са-

мый первый на очереди. И так до сих пор в общежитии и прописан. В девяностом получил [жилплощадь]. Сначала дали койко-место – комнат не было, на койко-месте жил, а потом как раз вот эти депутаты начались. Я пришёл в Горсовет, там какая-то депутатская комиссия. Я написал заявление, что нуждаюсь в отдельном жилье, потому что мой сосед, Юрий, к нему женщина приходила, ну и как бы он просил меня: погуляй. И мне неудобно – я его тоже понимаю, и мне как бы.

Я написал заявление и где-то, наверное недели за две, за три они рассмотрели. Я помню только комендант пришла мне ключ, дала – всё. Но комнату дали, конечно, стёкол не было, у меня даже линолеума не было. Нет, мне пришлось всё самому, всё самому, я тогда на стройке работал, я потихоньку-помаленьку. Потом я говорю, я дачу обокрал, но меня не посадили, во славу божью. У нас в детдоме помогал всегда Евгений Михалыч Баранов, дай бог ему здоровья, счастья, очень хороший мужик такой, действительно. Он у нас самбо вёл секцию. Очень обалденный мужчина, я его супругу даже знаю, она роды принимала в роддоме. Они меня очень хорошо знают.

Так вот получилось, видишь, судьба, ну теперь потихоньку-помаленьку. Ну не сказать, чтобы я уж опустился, я стараюсь, пытаюсь… И не факт, что я все деньги пропиваю. Я реально людям помогаю, тут ко мне подходят, я двоих домой отправил. Одного в Екатеринбург, одного в Петрозаводск.

Просто прямо приехал, билет купил, сажал на поезд. За это меня и прозвали „дед“, дали мне погремуху „дед“. И любят за это, не знаю, ну, во всяком случае, плохого никто не сказал. И себя я не нахваливаю – это что дано, то дано, я не горжусь тем, что есть. То, что мне бог сам дал, тем я и пользуюсь.

Но у меня мечта, я её всё равно осуществлю, я сам себе слово дал. Я не буду здесь на старости лет, ну просто не буду. Не потому что я себя люблю, я люблю природу, честно, я люблю природу. Ну, можешь себе представить: вот ты просыпаешься утром, не видишь этого асфальта и идёшь прямо босиком куда-нибудь на озеро, с удочкой сел, пару карасиков вытащил. Домой пришёл, уже жизнь задалась, а если какую-то кухарочку-то – это вообще рай. [Смеётся].

Так вот живу, мне везёт, вот честно: мне в жизни повезло, я не знаю, почему. Я считаю, что мама, мама – она же всегда где-то рядом. У меня чувство такое, что она как будто смотрит на меня или рядом, руководит мной. Потому что она меня когда просила: ты прости меня. – Мама, что, ну за что? Ну, во-первых, тогда эти коммунистические времена [были], ну что, ну выпивала женщина… И что, и надо было из семьи забирать? Что, нас старшие братья не могли воспитывать с Юркой? Могли же, видишь как, а с другой стороны, может, у меня такого воспитания не было бы.

– Тебе понравилось воспитание в детском доме?

– Да, мне очень понравилось. Но единственное, что, у нас проблемы были какие. Как объяснить, ну, как вот в армии де-

довщина, только там не дедовщина, а надо было всегда держаться там… Допустим, есть друг какой-то, старшеклассник поближе, да? То есть и тебя в обиду не дадут, и ты, если чего, можешь помочь. Ну бывало: и дрались, и из-за девчонок-то – о-о-о, всё бывало. Нет, поддержка ко всем ребятам была, у нас не было такого беспредела. У нас всё мягко всегда. Допустим, у меня был Алешка Васильев, друг, с Карабаново Владимирской области – вот я с ним дружил. Рига Сашка…

А вот Романов, Берестнев, Циганков – ну не так, это шушера была такая, знаешь? Которые могли – с тобой играют в поддавки, мелочь выиграл, а они же её у тебя потом ночью и своруют. Ну и такие пассажиры были…

А вот есть ребята, которые там спортсмены, Олешка – он всегда хоккеем [занимался], я благодаря ему научился на коньках ездить. Да, нам тогда какие-то спонсоры подарили две пары „Сальво“ коньков. Ну тогда „Сальво“ – это ж вообще, это шедевр! Восемьдесят шестой, восемьдесят седьмой год – „Сальво“ коньки. Меня Олег обучал кататься, я задом шёл, всё падал. Но научил – в хоккей начал играть, заинтересовался футболом, вот так и жили.

Я на велосипеде научился знаешь когда ездить? В пятом классе – у нас не было велосипедов, не было их в детдоме. У нас спортивных костюмов не было, как сейчас одевают, обувают. У нас не было этого ничего, у нас были брюки, допустим, у меня тридцать четвёртый номер был, да? В смысле, по номеру заходишь когда. У нас в пятницу был банный

день, там на полочке тридцать четыре – моя цифра, берёшь вещи и идёшь в баню мыться.

Так у нас переходили эти всякие брюки, джинсов тогда не было, у нас были брюки такие – х/б. Ну, мы все друг на друга были похожи – и одинаковые рубашки. Вон по улице банда детдомовских идёт – чёлка, дальше всё лысое было. На рынок когда приходили, бабушка там одна седая сидела, семечками торговала, она нам всегда каждому – стаканчик. И всегда насыпала нам бесплатно, нас любила. А мы ей всегда яблоки носили, с нашего сада, у нас сад свой. То есть бартер по тем временам.

Ну, как, мы ж не воровали – мы ж свои отдавали. И она семечек – каждому по стакану, идём, хрюкаем… Потом бычки бегали собирали. Пакеты возьмём, курить же нет денег, окурков наберём в пакет и прятали в огородике, чтобы старшеклассники не видели, а то – оплеуху. Так у нас было… Они курили: [им можно было], а мелким – нет. Это строго было. Ну, потом, конечно, подрастали.

На Пасху убежим на кладбище, яичек наворуем, конфет – сидим, в комнате делим. У кого чего, ну, стыдились… Вот я говорю: мне нравится, господь создал меня, я не знаю почему, но мне нравится. Я люблю его, вот я знаю, что он смотрит там оттуда. Но я не делаю лишних движений, которых нельзя делать. И самое интересное, что я ребятам всегда говорю: вы представляете, я с две тысячи четвёртого года здесь тусуюсь на районе и ни разу ни у кого ничего не украл. Представля-

ешь, ни разу не украл ни у кого.

Но те, кто это делает, долго они в этом районе не проживают. Либо бегут сами от себя, либо их наказывают. В моих вот случаях, я сколько знаю, они сами себя наказывают. Мне не надо прятаться ни от милиции, ни от кого. Я спокоен, надо паспорт – я сейчас вот пойду, он у меня в магазине лежит, в сейфе. Я же уже два потерял здесь, ну как, с теми выпил, те и [украли]

Пожалуйста, на площади трёх вокзалов покупают.

Три [тысячи], как я слышал, – это если московская прописка, а если там какая-то другая – тыщу. А у меня спёрли СНИЛС, паспорт, ИНН, этот страховой-медицинский, но я всё восстановил, и у меня вон всё в сейфе лежит. Вот, у меня карточка сбербанковская, я же пенсию получаю по карточке, пенсионное удостоверение, вон у меня всё лежит, вон – магазин…

– А вообще, что касается ментов, они часто как-то придираются или несправедливо относятся, обижают?

– Да нет, я бы не сказал, чтобы обижали. Ну, я их тоже понимаю: вот я, допустим, на подати сижу, я же понимаю, что с них тоже спрашивают, правильно? Чтоб порядок был, нельзя же это, правильно? С них также спрашивают, с обычных рядовых – как в армии. Идёт начальник, увидел – я сижу… Был один, который мне пшикал, действительно, он пшикал ни за что вообще. Видно, либо я ему надоел, либо кандидаты такие ходят, знаешь, судят. Без меня меня женили, то есть

в своём уме он меня осудил. К нему „доброжелатель“ подходит и говорит: а у вас сидят там, попрошайничают. И всё – ребята летят…

Да, я грешный, но я по-своему грешный. Я в смысле того, что нет у меня грехов, мне не надо прятаться ни от милиции, ни от вот которых здесь, на улице, ни от метрополитена. Мне не надо бояться, я не боюсь – я не оборачиваюсь. Я живу своей жизнью и никому не мешаю. Да, я согласен, на паперти, конечно. Некоторые: вот, типа, мы работаем, а он – сидит. Но, ребята, исходите из того, что я – инвалид. Это первое, второе: по моей справке меня ни на одну работу не берут. Вот как в две тысячи седьмом мне вырезали – меня реально не берут.

И плюс полтела нет – я не могу. Вот мне два ведра вот, дай бог, до того забора, и то – не донесу, просто не смогу физически. У меня вот это рука только, ключица и последнее ребро – вот оно, одно. А этого нет – яма [показывает дыру на левом боку, там, где были удалены рёбра]. Меня вот сюда ударят если – прямо в сердце попадут, просто кулак, вот – яма. У меня нет рёбер, всё отрезали. Куда я в таком виде, кто меня возьмёт, на какую работу? В компьютере я ноль. Ну не умею я, реально не умею, для меня это сложно. Ну куда? Сторожем никуда не берут, по справке в пищеблоках нельзя, в детских учреждениях нельзя, на ветру нельзя. А куда „льзя“-то, ну куда?

– А что вообще как правило люди говорят, когда они ми-

мо проходят? Говорят какие-то негативные вещи или что-то хорошее, может быть, иногда говорят? Как в основном?

– Да нет, в основном хорошие люди идут и понимают. Единственное говорят: только не пей, покушай. Большинство добрых людей и самое интересное, что я удивлён, вот честно, потому что практика-то у меня очень большая. Я удивлён знаешь чем: вот подать идёт в основном от молодых людей, и именно не россиян, а чечены, узбеки, таджики – вот именно от них. Самое большое – именно от них, я тебе реально говорю, статистика: именно они, именно эти ребята. И плюс пожилого возраста женщины, ну и молодые, но женщины.

Я в Москве, последнее время в Москве. Я мечтаю об этой мечте, хочу уехать, забыться, в деревеньке где-нибудь заселиться – и всё. Козочку, курочку и домик – и больше ничего мне не надо. Всё остальное я сам сделаю, руки у меня не из жопы. Я сруб могу рубить, я по деревяшке могу, по штукатурке, по шпаклёвке, плитку – могу, в своё время научился.

– Ты мне скажи, что ты думаешь о власти о нашей теперешней?

– Для меня это сложный вопрос, правда, как бы тебе это помягче сказать, не нагрубить бы. Я могу сейчас такую вещь произнести, я не знаю, ошарашит она тебя или нет. Но можно, я так коротко и внятно: я им не верю никому. Ложь, ложь, ложь. Причём кругом, вся высота – одна ложь. Нет ничего, справедливости нету, я не знаю, может, я общаюсь с такими

людьми, но я же вижу всё… Пускай Путин заедет в глубинку на своей „Кабрио“, ну пускай заедет, пускай посмотрит: люди бедствуют, нищета, разруха! В городах да, живут, я согласен, но пускай заедет куда-нибудь. Посмотри, чего творится-то, пускай просто посмотрит, ну хоть одним глазом своим. Тогда я ему поверю, если он приедет. Пока не верю, нету веры там. Ложь, ложь и ложь – для меня лгуны и ещё какие.

Я при коммунизме, когда на стройках строился после техникума, у меня была зарплата восемьдесят рублей, мне хватало на всё. Мне колбаса не нужна была, мне, правда, на всё хватало. И чего, далеко уехали, нормально уехали от царя к царю? Через мгновение – сто лет. Я посмотрю, как они дальше будут, я так посмотрю, дай бог только счастья мне увидеть, кого же он поставит приемником. Не удивлюсь, Шойгу если, я не удивлюсь. Или как у нас Васильева-то с Сердюковым-то награбили миллиарды – не села.[1] А знаешь, почему не села? А потому что сестрёнка жены Медведева родная. Ну как, кто же её посадит-то, ну кто? Пускай живут, только они не задумываются никогда знаешь о чём? Страдать-то будут

---

[1] Имеется в виду коррупционная схема 2012 года в ОАО „Оборонсервис“ Минобороны с хищением более 3 миллиардов рублей. В мошенничестве была замешана начальница департамента имущественных отношений Минобороны России Е. Н. Васильева, ряд высших чиновников Минобороны и министр обороны А. Э. Сердюков. Несмотря на огромный размер хищения Васильева отбыла в тюрьме минимальный срок, жила под домашним арестом и вскоре была досрочно освобождена. Сердюков был снят с должности. Но несмотря на злоупотребление должностными полномочиями, уголовное дело против него было прекращено ГВСУ и прокуратурой, и он смог благополучно продолжить свою карьеру.

ихние дети за грехи-то ихние.

Ты что думаешь, если много денег – ты счастливый? Поверь мне – нет, лучше их не видеть, и не надо они. У меня тоже были и машины, всё было, реально по тем временам я имел трёшку, потом я „Минск“ мотоцикл купил с нуля. У меня всё было, а сейчас ничего нет и не надо вообще. Я же говорю: маленький домик, пусках захлабученный будет, я его выровню. Сам лично и подрубки сделаю, и поддомкрачу, всё сделаю – было бы желание.

А я им не верю, мне они лично ничего хорошего не сделали – вообще. Для меня они, знаешь, я живу другой жизнью. Вот можешь себе представить: что они есть, что их нет, ну то есть по барабану. Выбирают их там, не выбирают – мне по барабану. Для меня это не существует, это ихняя отдельная жизнь, а у меня своя. И знаешь как, муравейник видел? Рыженькие отдельно живут, чёрненькие отдельно, помельче – отдельно. Вот видишь, хорошо, что с тобой посидел, пообщался, душу тебе излил. А то ведь не с кем. Нет, был как-то один, но он погиб. А с тобой приятно даже пообщаться, приятно.

– А друзей нет у тебя на улице?

– Нет, у меня вот Павел. Да и то, как тебе объяснить, есть, конечно, Павел, я его считаю другом, а так вообще здесь только хорошие знакомые – и всё. То есть я к себе в душу не подпускаю никого. Я в своё время огорчился очень сильно, и я в свою душу никого не подпускаю. Живу своей жизнью,

кто-то понимает меня, кто-то – нет. Я никому не мешаю, но и не позволяю в моё лезть. Какой-то человек агрессивный или лес имел, мне по барабану – не подпускаю, мне это неинтересно и не нужно. Мой интерес – природа, я действительно свою мечту осуществлю, у меня задумки есть, хорошие задумки. Я уеду, я сам себя могу обеспечить, честно если. Я даже как-то вот хотел письмо написать, чтобы отказаться от пенсии.

Потому что ту пенсию, которую мне дают – это смех и грех. Ну как, вот смотри: пять сто я отдаю за комнату в общежиии, пять сто. Семь двести мне выплачивают, сколько мне остаётся? [На две сто] проживёшь? Ну, живу… А вот сейчас этот месяц у меня семь двести, а в следующем месяце будет восемь, у меня там двадцать процентов за квартплату задолженность дома, а они – суд присудил и у меня с пенсии двадцать процентов ещё [вычитают]. Вот с июля у меня будет уже полная пенсия, там где-то тысяч под девять.

Ну ты на четыре тыщи проживёшь? Вот даже будет девять, а я живу… Почему я на паперти-то? Так ведь половина полиции-то понимает, они реально понимают. Конечно, а как же? Я сколько раз говорил: ребята, мне жить не на что, ну реально, мне не на что жить! Я говорю: если у меня нормально, я чего, буду сидеть на подати? Другие воруют вон ходят телефоны, хироны, а я не делаю этого, я на паперти сижу. Я не делаю лишних движений, они мне не нужны.

Конечно, не только с провинции [бездомные едут]. Основ-

ное – это приезжие все, то есть нету коренных москвичей, нет. У любого спроси: нету их. Москва – это государство в государстве, здесь даже думают по-другому и живут по-другому. А в провинцию уедь, за сто километров от Москвы отъедь: там люди совсем по-другому живут, другой жизнью. Там, в провинции, они действительно родину любят. Чего же коттеджи строить едут к нам в глубинку: дома где – у нас в деревнях, озёрчики подавай – у нас. Вот она любовь-тов чём, фикус-пикус. Потому что все туда хотят, подожди, ещё время не пришло. Я уверен, как только какой-нибудь геморрой начнётся здесь, все улетят в провинцию, все. Как только сырбор начнётся – влёгкую, все улетят.

– Мне кажется, те, у кого настоящие деньги, огромные деньги в правительстве – они на Запад все уедут, даже не к нам, в провинцию.

– Тем, у кого огромные деньги, я не завидую: дураки – ничего нет. Представляешь, вот чемодан денег у тебя стоит евро, а душа пустая, выпить даже не с кем. А когда вот с душой, как у нас бывает: в деревне мы в баньке посидим, пивка с самогоночкой сжахаем, на рыбалочку сходим, всё хорошо, всё вообще благодать! А лучок-то когда с грядки раз – в рукомойничке-то помыл, вот оно твоё, а не это – магазинное, жевать там нечего. Это твоё, родное, а яички-то наши, курочки сами дают, а не то, что их там шпигуют, как плодоножки хуячат.

Мне ближе, наверное, те времена, потому что, может, от-

того, что из-за того, что я просто рос в те времена. Те времена – они отличаются от этих. Говорить о воспитании, я же сейчас бомжую – это лишнее. Я не знаю, в те времена мне жилось тогда легко, мне легче, честно было. Эти времена брать – ну да, конечно, сейчас свободу слова, пожалуйста, выбирай любую профессию, работай…

Нет – это всё занавес этой жизни. Я в эту жизнь не верю, вот в ту я верю: у меня был стимул, был смысл. А в этой жизни нету: и стимула нету, и смысла нету. Конечно, сейчас есть вот возможность, я, допустим, могу какой-то домик [купить], но в те-то времена я мог спокойно заработать на предприятии квартиру, которую мне выделили бы. Или, допустим, если бы я поехал в какой-то колхоз устроился. Мне неужто избушку бы не выделили? Выделили бы, конечно…

Ну, видишь, я сужу-то по детдому, но я думаю, та власть была лучше. Я не знаю, ну честно, ну не могу я поставить эту власть и ту власть рядом, просто не получится по всем меркам. Очень большая разница. Это не та власть, которая сейчас действует, не то это. Я считаю, вот эта власть, которая находятся сейчас у руля – это бандюганы, скрытые ширмой, которые когда-то раскроются. Уже я не удивлюсь, если через сто лет, но раскроются все точки над i, поставят. Это бандюки, это – не власть, такой власти не должно быть.

Вот так я и живу. Мама ушла, четыре года, как её нету больше. Она писала письма в детдом – нам не давали письма, я не знаю почему. А вот когда я поехал уже, когда меня

повезли в училище строительное во Владимир, там же они личное дело твоё отдают. Из детдома когда тебя везут уже, тебе шмотки чемодан собирают, все тетради, короче, всё что нужно для необходимости. И только там я письма увидел: семь штук их было, до сих пор помню. И я по этим письмам её и нашёл. Адрес узнал, мне адрес даже не говорили, не знаю почему.

И я по адресу маму нашёл, я сразу полетел, прямо с училища полетел. В первые выходные я уже поехал искать, у меня даже копейки не было, мне эту стипендию давали сорок рублей. У меня даже стипендии не было, я полетел наобум, нашёл. Я её нашёл когда, мамка так ревела, на коленях валялась. И я говорю: мам, прекрати, ты не виновата. Я вообще молю бога, что он такую судьбу мне сделал, что я во многом начал разбираться, я стал людей понимать. Обиды все забыл, у меня даже нет обид, вообще ни на кого. Нет, бывает, меня огорчают, но я знаешь, отношусь к этому, как тебе сказать, как к фолу. Как ветром: в одно зашло, в другое вышло.

Хотелось бы изменить судьбу. А конкретное, я бы хотел вернуть Ольгу, но у меня не получится, наверное. Первую девчушку, которую я любил, действительно любил до безумия, но вот так бог распорядился. Вот это бы я вернул. Я иной раз, знаешь, так в одиночку плачу… Не мы такие, нас такими делают. А тот, кто распоряжается нашей судьбой, наверняка всё знает про нас. Каждый как говорят там „каждый себе судьбу сам“ – нет, я не верю в это. Человек не может

себе судьбу сделать.

– Ну и какой же смысл тогда во всём, если от нас ничего не зависит?

– Да я вот я тоже думал: какой смысл в жизни? А потом – опаньки, а закон мироздания-то… Я ж как делал: в лес приходишь, спилил, и вроде всё нормально. А потом по-другому стал делать: спилил, а три посадил. Вот через дорогу трактора едят, а они малюсенькие стоят, по краям растут сосенки, не затопчут. На один – три.

Раньше, сейчас этого нет, сейчас вон – тополя у немцев купили. На Руси, тополя для Тверской – по триста тысяч за одно дерево![2]

---

[2] В действительности речь идёт не о тополях, а о липах и японских бересклетах. В начале 2013 года, в ходе проекта по озеленению Москвы на Тверской улице высадили липы, закупленные в Германии, и бересклеты, заказанные в Японии. Ежегодная смена деревьев, редкостная бездарность „озеленения“, его астрономическая дороговизна и связанная с ним коррупционная схема вызвали в обществе скандал. По мнению экспертов, „озеленение“ должно было стоить минимум в десять раз дешевле искусственно завышенной стоимости заказа в 270 миллионов рублей или 529 миллионов за 5 лет. Махинация проходила под надзором мэра Москвы С. С. Собянина, после протестов заказ передали ОАО „МИСК“, связанному с мэрией, и разворовывание госсредств продолжилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.
Blick: молодой врач возвращает надежду челябинским бездомным, 25 декабря 2017, из https://russian.rt.com/inotv/2017-12-25/Blick-molodoj-vrach-vozvrashhaet-nadezhdu

2.
Костарнова Наталия, «Это такие же люди, как мы с вами», 14.12.2017, из http://philanthropy.ru/cases/2017/12/14/58818/

3.
Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка (современное написание слов), из http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/dal/12.php

4.
„Новосибирский епархиальный вестник“. 100-летие преставления святого праведного Иоанна Кронштадтского. № 7(80), декабрь 2008 г. стр. 2

5.
Бездомные нуждаются в приютах, где можно хотя бы переночевать, 02/11/2017, из http://www.vl.aif.ru/society/bezdomnye_nuzhdayutsya_v_priyutah_gde_mozhno_hotya_by_

6.

Конституция Российской Федерации. Официальное издание, Юридическая литература, Москва, 2009, стр. 4

7.
Права человека и бездомность: общероссийская проблема в региональном контексте. Специальный доклад уполномоченного по правам человека в Ярославской области / С. А. Бабуркин, Ю. Е. Барлова, Н. И. Жучкова, К. С. Скоробогатов, Ярославль, 2016, стр. 58; также Бездомность и язык вражды в средствах массовой информации. Сборник материалов, Межрегиональная Сеть „За преодоление социальной исключенности“, Спб., 2009, стр. 7; также Социальное обслуживание. № 10, 2011, ООО, Издательство «Социальное обслуживание» Москва, стр. 27

8.
Башкатова Анастасия, Россия бездомная Версия для печати Добавить в избранное Обсудить на форуме Статистика доходов и бедности в стране сильно искажена, 06.07.2017, из http://www.ng.ru/economics/2017-07-06/1_7023_russia.html; также Путин сделает бомжами 10 миллионов россиян, 29 января 2014, из http://pravona.org/publikazii/putin-sdelaet-bomzhami-10-millionov-rossiyan.html; также Ten Years of Work With Moscow's Homeless, http://www.doctorswithoutborders.org/news-stories/special-report/ten-years-work-moscows-homeless

9.
Путеводитель для работы. Рекомендации и практические советы для руководителей социально ориентированных некоммерческих и общественных организаций, занимающихся проблемами ресоциализации и социальной адаптации лиц без определенного места жительства и лиц, освобожденных из мест лишения свободы (Методическое пособие), Свердловская региональная социально ориентированная общественная организация „Право на защиту и помощь“, Екатеринбург, 2015, стр. 3

10.
Социальные и правовые аспекты проблемы бездомности в России. По материалам межрегионального исследования, Санкт-Петербург, 2007, стр. 7

11.
Социальные и правовые аспекты проблемы бездомности в России. По материалам межрегионального исследования, Санкт-Петербург, 2007, стр. 8

12.
Беркутов Андрей Сергеевич, Кравченко Елена Владимировна Борьба с бродяжничеством в СССР в 1950-1960-е годы // Философия права. 2016.

№ 2 (75). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-brodyazhnichestvom-v-sssr-v-1950-1960-e-gody (дата обращения: 26.03.2018).

13.
Беркутов Андрей Сергеевич, Кравченко Елена Владимировна Борьба с бродяжничеством в СССР в 1950-1960-е годы // Философия права. 2016. № 2 (75). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-brodyazhnichestvom-v-sssr-v-1950-1960-e-gody (дата обращения: 26.03.2018).

14.
Общероссийский доклад о положении с правами человека в Российской Федерации за 1998 год // Хроника Московской Хельсинкской группы. 11(53). Сентябрь 1999, стр. 5

15.
Права человека и бездомность: общероссийская проблема в региональном контексте. Специальный доклад уполномоченного по правам человека в Ярославской области / С. А. Бабуркин, Ю. Е. Барлова, Н. И. Жучкова, К. С. Скоробогатов, Ярославль, 2016, стр. 16

16.
Социальные проблемы современной России: московская

специфика. Коллективная монография под редакцией доктора экономических наук, профессора А. Ю. Шевякова, М-Студио, Москва, 2009, стр. 219

17.
Кельнер Ирина, Сколько ты продержишься, прежде чем придет помощь или умрет надежда? 09.08.2017, из https://www.miloserdie.ru/article/grigorij-sverdlin-mne-kazhetsya-nashe-obshhestvo-stalo-nemnozhko-terpimee/

18.
На дне: почему число бомжей в России растет в геометрической прогрессии, 3 декабря 2017, из http://www.mk.ru/politics/2017/12/03/na-dne-pochemu-chislo-bomzhey-v-rossii-rastet-v-geometricheskoy-progressii.html

19.
Права человека и бездомность: общероссийская проблема в региональном контексте. Специальный доклад уполномоченного по правам человека в Ярославской области / С. А. Бабуркин, Ю. Е. Барлова, Н. И. Жучкова, К. С. Скоробогатов, Ярославль, 2016, стр. 15

20.
Социальные и правовые аспекты проблемы бездомности в

России. По материалам межрегионального исследования, Санкт-Петербург, 2007, стр. 9-10

21.
Мэра Читы расстроила невозможность отстреливать бомжей, 24 февраля 2011, из https://lenta.ru/news/2011/02/24/killemall/

22.
Михалёв Анатолий: „Признаюсь, слова об отстреле бомжей были неудачной шуткой“, 25-02-2011, из http://www.admin.chita.ru/news/?id=3171

23.
Тем временем в России. Пьяные школьники убили бездомного ради развлечения, 26.10.2015, из http://crime-ua.com/node/12336

24.
В Подмосковье задержаны подозреваемые в жестоком убийстве двух бездомных, 3 октября 2016, из http://www.rosbalt.ru/moscow/2016/10/03/1555224.html

25.
Молодые люди в Белозерске убили бездомного и записали видео с угрозами, 07 декабря 2016,

из https://360tv.ru/news/chp/molodye-lyudi-v-belozerske-ubili-bezdomnogo-i-zapisali-video-s-ugrozami-83106/

26.
СК возбудил дело по факту убийства бездомного под Смоленском, из http://tass.ru/proisshestviya/4653285; также Убийца бездомного воткнул гвоздь себе в голову в суде Новокузнецка после оглашения приговора, 19 октября 2017, из http://www.interfax.ru/russia/583823

27.
Оглашен приговор пятерым участникам преступной группы, причастным к убийствам более 15 человек на территории Москвы и Московской области, 23 Октября 2017, из http://sledcom.ru/news/item/1173618/

28.
Уголовный кодекс Российской Федерации (с изменениями на 19 февраля 2018 года), из http://docs.cntd.ru/document/9017477

29.
Права человека в Российской Федерации. Сборник докладов о событиях 2016 года, Московская Хельсингская группа, Москва, 2017, стр. 236

30.
Причина бездомности – алкоголизм, 21 декабря 2010, из http://www.bbc.com/russian/russia/2010/12/101221_russia_homeless_alcoholism.shtml

31.
Самойлов Сергей, Москвич заживо сжег бомжа в подъезде, 9 марта 2011, из https://life.ru/t/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/53100; также Глинка Елизавета, „Я всегда на стороне слабого“. Дневники, беседы, Аст, Москва, 2017, стр. 192; также Группу подростков будут судить по подозрению в убийстве бездомных, 30 мая, 2017, из www.m24.ru/videos/kriminal/30052017/146040?utm_source=CopyBuf

32.
Ксения Соколова: Железная Лиза, 07.02.14, из https://snob.ru/selected/entry/71428

33.
Социальные проблемы современной России: московская специфика. Коллективная монография под редакцией доктора экономических наук, профессора А. Ю. Шевякова, М-Студио, Москва, 2009, стр. 225

34.
Социальные проблемы современной России: московская специфика. Коллективная монография под редакцией доктора экономических наук, профессора А. Ю. Шевякова, М-Студио, Москва, 2009, стр. 225–226; также Коваленко, Е. Строкова Е. Бездомность: есть ли выход? Фонд „Институт экономики города“, Москва, 2013, стр. 86

35.
Алексеева Л. С. Бездомные как объект социальной дискредитации, из http://ecsocman.hse.ru/data/711/829/1219/005.ALEXEEVA.pdf

36.
Как устроено трудовое рабство в России уже и в 21 веке, 18.11.2016, из http://agonia-ru.com/archives/1186

37.
Кокоулин Дмитрий, Священник назвал арест руководителя «Преображения России» «вполне логичным», 13.07.2011, из http://ansobor.ru/news.php?news_id=1935

38.
Как устроено трудовое рабство в России уже и в 21 веке, 18.11.2016, из http://agonia-ru.com/archives/1186

39.
Приют для бездомных (дом трудолюбия "Ной"), из http://www.damian.ru/forum2/viewtopic.php?f=28&t=1168&start=1875; также Открыли единственный в России приют для бездомных, 28-01-2014, из http://www.province.ru/ob-etom-govoryat/1055-otkry.html; также В Бурятии стартовала операция «БОМЖ», 21.10.2014, из https://www.baikal-daily.ru/news/16/99249/

40.
В полиции Абакана берут отпечатки пальцев у всех бездомных, 13.02.2013, из http://abakan.bezformata.ru/listnews/otpechatki-paltcev-u-vseh-bezdomnih/9524679/; также В Бурятии найдено около двух тысяч бездомных, 20 апреля 2015, из https://www.infpol.ru/news/society/65139-v-buryatii-naydeno-okolo-dvukh-tysyach-bezdomnykh/; также В Хабаровске проведён профилактический рейд по местам концентрации бездомных, 28 июля 2015, из https://27r.ru/news/khabarovsk/74209-v-khabarovske-provedjon-profilakticheskij-rejd-po-mestam-kontsentratsii-bezdomnykh

41.
Чайковские полицейские просят местных жителей помочь посчитать бомжей, 10 Марта, 2017, из http://chaiknews.ru/index.php?dn=news&to=page&id=17861

42.
Социальные проблемы современной России: московская специфика. Коллективная монография под редакцией доктора экономических наук, профессора А. Ю. Шевякова, М-Студио, Москва, 2009, стр. 221-222

43.
Социальные проблемы современной России: московская специфика. Коллективная монография под редакцией доктора экономических наук, профессора А. Ю. Шевякова, М-Студио, Москва, 2009, стр. 222

44.
Ксения Соколова: Железная Лиза, 07.02.14, из https://snob.ru/selected/entry/71428

45.
В Петербурге сотрудница KFC отобрала у бездомного еду и выбросила её, 23 декабря 2017, из http://topdialog.ru/2017/12/23/v-peterburge-sotrudnitsa-kfc-otobrala-i-vybrosila-u-bezdomnogo-edu/

46.
Бездомность в современной России: проблемы и пути их решения: Вестник Межрегиональной сети „За преодоление

социальной исключенности“. Вып. 1 / Сост. А. Варсопко, Е. Ринн. СПб., 2008, стр. 8

47.
Бездомность в современной России: проблемы и пути их решения: Вестник Межрегиональной сети „За преодоление социальной исключенности“. Вып. 1 / Сост. А. Варсопко, Е. Ринн. СПб., 2008, стр. 8

48.
Бездомность в современной России: проблемы и пути их решения: Вестник Межрегиональной сети „За преодоление социальной исключенности“. Вып. 1 / Сост. А. Варсопко, Е. Ринн. СПб., 2008, стр. 8

49.
Калашников Михаил, К водным процедурам // „Путь домой“. 07(43). Зима-весна 2013. стр. 8-9

50.
Причины бездомности, из https://homeless.ru/who_is/?test=test

51.
Причины бездомности, из https://homeless.ru/who_is/?test=test

52.
Социальные проблемы современной России: московская специфика. Коллективная монография под редакцией доктора экономических наук, профессора А. Ю. Шевякова, М-Студио, Москва, 2009, стр. 223; также

53.
Бездомность и язык вражды в средствах массовой информации. Сборник материалов, Межрегиональная Сеть „За преодоление социальной исключенности“, Спб., 2009, стр. 4-5

54.
Права человека и бездомность: общероссийская проблема в региональном контексте. Специальный доклад уполномоченного по правам человека в Ярославской области / С. А. Бабуркин, Ю. Е. Барлова, Н. И. Жучкова, К. С. Скоробогатов, Ярославль, 2016, стр. 25-26

55.
Более половины россиян оказались недовольны своей зарплатой, из http://www.rbc.ru/rbcfreenews/59bafb979a7947cccdf1ed72

56.

Соловьева Ольга, За пять лет число бедных увеличилось на 7 миллионов Версия для печати Добавить в избранное Обсудить на форуме Каждый третий житель страны едва сводит концы с концами, 26.06.2017, из http://www.ng.ru/economics/2017-06-26/1_7015_bednost.html

57.

Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя, Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации Москва, 2013, стр. 91

58.

Соловьева Ольга, За пять лет число бедных увеличилось на 7 миллионов Версия для печати Добавить в избранное Обсудить на форуме Каждый третий житель страны едва сводит концы с концами, 26.06.2017, из http://www.ng.ru/economics/2017-06-26/1_7015_bednost.html

59.

Рустем Фаляхов, Екатерина Каткова, Прожиточный минимум повысили на бутылку водки, 22.06.2017, из https://www.gazeta.ru/business/2017/06/22/10733087.shtml

60.

Эксперты: Прожиточный минимум в России искусственно

занижен, 2 января 2013, https://russian.rt.com/inotv/2013-01-02/Eksperti-Prozhitochnij-minimum-v-Rossii

61.
Эксперты: Прожиточный минимум в России искусственно занижен, 2 января 2013, https://russian.rt.com/inotv/2013-01-02/Eksperti-Prozhitochnij-minimum-v-Rossii

62.
Локосов В. В. Богатая Россия и бедное население: причины парадокса // Народонаселение. 2015. № 4. стр. 9

63.
Шевяков А. Ю. Неравенство доходов как фактор экономической и демографической динамики: монография, ИСЭПН РАН, Москва, 2010, стр. 5-6

64.
Шевяков А. Ю. Неравенство доходов как фактор экономической и демографической динамики: монография, ИСЭПН РАН, Москва, 2010, стр. 5-6

65.
Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект. Материалы VII научно-практической конференции (г. Вологда, 17–19 декабря

2015 г.), ИСЭРТ РАН, Вологда, 2016, стр. 75

66.
Research Institute Thought leadership from Credit Suisse Research and the world's foremost experts. Global Wealth Report 2016, p. 53

67.
Research Institute Thought leadership from Credit Suisse Research and the world's foremost experts. Global Wealth Report 2016, p. 53

68.
Неравная Россия: в мировой столице неравенства уже закипает гнев? Иносми. 25.04.2017, из http://inosmi.ru/politic/20170425/239216305.html

69.
Нелегальная жизнь мусорных полигонов: от поселений бездомных до торговли продуктами, 21 августа 2017, из http://www.mk.ru/social/2017/08/21/nelegalnaya-zhizn-musornykh-poligonov-ot-poseleniy-bezdomnykh-do-torgovli-produktami.html; также «Город бомжей» обнаружили жители Чеховского района на местной свалке, 18 августа 2016, из https://360tv.ru/news/ekologiya/gorod-bomzhej-obnaruzhili-zhiteli-chehovskogo-rajona-na-mestnoj-svalke-68755/

70.
Сколько ты продержишься, прежде чем придет помощь или умрет надежда? 09.08.2017, из https://www.miloserdie.ru/article/grigorij-sverdlin-mne-kazhetsya-nashe-obshhestvo-stalo-nemnozhko-terpimee/

71.
Трудовой кодекс РФ 2017, Статья 64, доступен на сайте http://www.trudkod.ru/

72.
Социальные и правовые аспекты проблемы бездомности в России. По материалам межрегионального исследования, Санкт-Петербург, 2007, стр. 27

73.
Социальные и правовые аспекты проблемы бездомности в России. По материалам межрегионального исследования, Санкт-Петербург, 2007, стр. 27

74.
Социальные проблемы современной России: московская специфика. Коллективная монография под редакцией доктора экономических наук, профессора А. Ю. Шевякова, М-Студио, Москва, 2009, стр. 229

75.
ФМС осталось заменить около 70 тысяч советских паспортов, 4 марта 2012, из https://www.vesti.ru/doc.html?id=732422

76.
Бывшим гражданам СССР продлили право на льготное получение российского паспорта, 9 декабря 2016, из https://lenta.ru/news/2016/12/09/no_deportation/

77.
Федеральный закон от 28.12.2013 N 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014) "Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации", из https://gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2017/04/18/Zakon%20RF%20442-FZ%2028.12.2013%2C%20red%2021.07.2014.pdf

78.
Даже в морозы ночлежки не впускают "кого попало", 17 декабря 2009 г., из https://msk.newsru.com/article/17dec2009/nochlej.html; также Меркурьева Карина, Москва бездомная. Путеводитель для выживающих, 09.01.2017, из https://theins.ru/obshestvo/34699

79.
Федеральный закон от 28.12.2013 N 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014) "Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации", из https://gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2017/04/18/Zakon%20RF%20442-FZ%2028.12.2013%2C%20red%2021.07.2014.pdf

80.
Волков Владимир Валентинович Бездомность в современной России: проблема типологии бездомных // Вестник ННГУ. 2010. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bezdomnost-v-sovremennoy-rossii-problema-tipologii-bezdomnyh (дата обращения: 18.03.2018).

81.
Клюева Н. Ю. Психология бездомного и бездомности // Сибирский психологический журнал 2011. № 41. стр. 17-18

82.
Клюева Н. Ю. Психология бездомного и бездомности // Сибирский психологический журнал 2011. № 41. стр. 17

83.
Коваленко, Е. Строкова Е. Бездомность: есть ли выход? Фонд „Институт экономики города“, Москва, 2013, стр. 86

84.
Молчанов А. А. Бездомность в России: комплексный анализ и технология профилактики, из http://www.dslib.net/soc-struktura/bezdomnost-v-rossii-kompleksnyj-analiz-i-tehnologija-profilaktiki.html